

Четвертая

Скрепка

Иван Семеринов

Несколько безумных дней из жизни Лёши Говорухина, успешного журналиста одного из главных пропагандистских Интернет-ресурсов. Череду событий, а также расследование жестокого убийства молодой девушки, заставят его задуматься над ценой компромисса, которую он когда-то заплатил, ненадолго воссоединиться с родными, которых он отверг, а также узнать неприятную правду о себе, о настоящем и о времени, в котором ему доведется жить. Если, конечно, доведется?

Журналиста бьют не за то, что он сказал, снял и написал,
а за то, что это прочитали, услышали или увидели

Из речи Леонида Парфенова на вручении
премии имени Владислава Листьева

Говорухин обгладывал колпачок ручки, уставившись на враждебно мигающий курсор. Свет монитора освещал его усталое и поросшее лицо. Последние пару недель его мучала бессонница, подкрепленная отказом от сигарет, и он частенько задерживался на работе. За стеклянной преградой, мешавшей покинуть здание с седьмого этажа, город подавал признаки жизни. Машины мерцали фарами, клубы били по голове раздававшейся танцевальной музыкой. В спальных районах гасили свет. Черный дым, испускаемый городской котельной, пропадал в безлунной ночи.

В офисе, среди десятков пустых кубиков и брошенных канцелярских предметов, было темно. Говорухин, завернутый в шерстяной клетчатый плед, со стаканом в руке подошел к окну. Перед ним распростёрся Город, границы которого уходили за горизонт. Тишину нарушала лишь семейная пара, решившая поругаться прямо под фонарями. Снизу доносился только гул. Говорухин пригубил стакан и отпил его содержимое. Ирландский кофе жжёт гордо. От напитка он поморщился и тупо уставился вдаль, ожидая прилива вдохновенья.

По новостям метеоцентры передавали о том, что Город столкнется с очередной климатической аномалией. Пойдут непрекращающиеся дожди, ливни, размывающие почву. Со дня на день стоит готовиться к осыпающимся асфальтовым дорогам и затопленным улочками. Но Говорухина это не особо волновало. Что действительно касалось его внимания, так это колонка, которую он вёл в одном известном и очень авторитетном Интернет-издании «ЖИЛАЙВ». Колонка «Семь грехов» была одной из самых популярных на сайте сетевого глянца. В ней публиковались материалы о жизни знаменитостей, биографические статьи, поддерживавшие курс общества. Заметки собирали достаточно много просмотров, соперничая с разделом «ЖЕСТЬ +18», и как было заведено руководителем холдинга, тот, кто собирал больше всего просмотров, но при этом не противоречил позиции издания, получал больше денег и журналистского респекта. Перу Говорухина принадлежали самые популярные колонки рубрики: «Куртка Бейн: Мертвец, рассказывающий сказки» и «Виктор Цой: Нам не нужны перемены». Сейчас он как раз выдавливал из себя статью о какой-то глупой девушке, залетевшей от известного певца, получившего свою славу за половые связи со старушками. Но дело дальше ироничного эпиграфа не двигалось. Что же сказать дальше после фразы: «Женщины, как хорошее вино, с годами становятся только лучше». Побить в шкуру Хемингуэя у Говорухина не выходило — объем материала должен был составить минимум две тысячи знаков, поэтому он один прохлаждался в офисе редакции ночью. Где-то внизу был охранник, то Говорухину не очень-то хотелось обсуждать результаты прошедшего матча, да и вообще делиться с кем-нибудь своими мыслями. С некоторых событий, произошедших в его биографии, он уже и сам не горел желанием возвращаться в свою двухкомнатную халупу, стараясь как можно больше времени проводить в своем кубике за работой.

Курсор всё еще предательски мерцал. Говорухин уткнулся в экран и пытался хоть что-то из себя выдавить, будто бы насилуя тюбик закончившейся зубной пасты. Он оперся на

локоть, сложил голову на ладонь и продолжил пялиться в экран. За подобными вечерами он успел изучить каждый пиксел дисплея рабочего ноутбука и перепройти несколько раз косынку. Его вырубало, текст не был готов, и он ничего не мог с этим поделать. Он закрыл переносной компьютер, улегся на стол и заснул. За сном должно было последовать облегчения. За черной пеленой его не было.

Он очутился не пойми где. Вокруг царил бескрайняя тьма без углов и изгибов, и только впереди были лучи света, падавшие на величественный белый алтарь. Говорухин, как заведенная ключом игрушка, стал подходить к нему ближе и ближе, отчетливо слыша чеканку собственных шагов. Сердце начало сжиматься и разжиматься быстрее и быстрее. Ноги отнимались, становились ватными. Ему казалось, что еще один шаг — он упадет и расплачется. Только бы упасть и расплакаться, чтобы снова не видеть этого. Отзвук ходьбы становился громче и бил по вискам. И громче, и громче, и громче, затем резко остановился. Он попытался закрыть глаза, но у него ничего не вышло — перед ним на величественном алтаре лежало испачканное в телесных жидкостях, дергающееся тельце. У тельца были маленькие ножки, маленькие ручки, мягкая покрасневшая кожа, и его глазки болезненно реагировали на свет. Тельце не кричало, как это делали другие тельца. Оно стонало. Из тельца утекала жизнь, и тельце перестало дергаться со всем.

Говорухин очнулся от собственного крика, его бросило в дрожь, и он чуть не упал со своего офисного стула. Он отдышался, затем прошелся до уборной, умылся холодной водой и вернулся обратно за составление колонки, трясущимися пальцами орудуя клавиатурой.

Обычно седьмой этаж бизнес-центра на Котельниках оживал с приходом Ани Маркеловой, секретарши главреда, отвечавшей за то, чтобы механизм под названием «ЖЛАЙВ» работал без перебоев. Она попадала в офис на час раньше остальных, успевала сверить расписание босса, позвонить в торгово-оптовую компанию, чтобы заказать сэндвичей в автомат с едой, договориться о даче интервью или каких-нибудь пресс-релизов. Но она заболела, не уберегли Анну Анатольевну, потому начальство заявилось на работу раньше. Главный редактор Подрулин Арсений Палыч, мужичок лет пятидесяти, вечно волнующийся и вечно потеющий, любивший просторные рубашки с двумя незастёгнутыми пуговицами у воротника, трясущейся и рассеянной походкой вошел в офис, задев кулер. Он шугнулся, и смущенный дошел до своего офиса, окна которого были закрыты за жалюзи. Комната озарилась изнутри люминесцентными лампочками, открылась дверь, откуда высунулась лысеющая седая головенка:

— Говорухин, ко мне! — прокричал Подрулин, резко повысив тональность голоса.

Тому, не без отсутствия энтузиазма, пришлось подчиниться:

— ТАК! — Арсений Палыч звучал так, будто бы собирался голосом уничтожить стёкла, — где эта, пардоньте, блядь, колонка про этого певуна ртом и его залетевшую бабенку. Лёша, не мне тебе объяснять — время деньги! А если не будет денег, пардоньте, нам кирдык!

— Уже всё написано, Арсений Палыч, — устало ответил Говорухин

— А че ж не выложено то нихрена? — возмутился Подрулин

— Ну... вы же главред, вы прочитать должны... — возразил Говорухин

— Лёша, ты чего? Я тебя нанимал, чтобы читать твои пасторали о знаменитостях перед их выходом? Ёп твою мать, журналисты хреновы. Выкладывай давай! Читать я буду только то, что с политикой, как это, коррелирует, вот. Опять этот педераст Перевалов расследование выпустил! — на лбу Подрулина выступила испарина, — ты-то чего ждешь! Выкладывай давай! Эти педовки сами про себя не рассказывают.

— Про кого хоть расследование? — со скукой спросил Говорухин

— Да про... — Подрулин понизил голос и продолжил, — про Долгорукова...

— Ладно, — нудно ответил Говорухин и повернулся в сторону двери. Только он схватился за ручку его откликнул Арсений Палыч: «Лёша, ты это, статейку-ответ на расследование Перевалова не хочешь написать?»

Журналист обернулся, на его лице сияла саркастическая улыбка: «Я еще не слишком прозрачен, чтобы обсуждать проблемы дядь в костюмах», и вышел из кабинета. И действительно, идущий в поношенных кедах к своему столу, одетый в растянутую черную вязаную кофту и вытянутые черные джинсы, Лёша Говорухин не был похож на человека, с которым вы начнете обсуждать политические вопросы и шансы Грабина остаться на своем посту. Скорее он был похож на того, с кем вы подискутируете о новой серии «Игры Престолов», о новом альбоме Кендрика Ламара или о распределении гендерных ролей в обществе.

Парой кликов материал был добавлен на сайт. Скоро, буквально через пару часов день начнется и других людей. Домохозяйки отправят своих сыновей в школу, а мужей зарабатывать деньги, рабочие уйдут со смены или зайдут на неё, бизнесмены и бизнесвумен

наслаждаться свежавыжатым соком за завтраком, но все они вскоре зайдут на ЖИЛАЙВ. рф и прочитают про певца ртом, обрюхатившего какую-то дуру. Готэм может спать спокойно.

Говорухин открыл свой ежедневник, чтобы посмотреть своё расписание на день. Ближе к обеду у него должна была состояться встреча с информатором. Тот постоянно сливал ему что-нибудь этакое, — например, выстрелившую историю про певицу Лабудану, которую пьяной за рулем задержали местные гаишники после того, как она на своем внедорожнике врезалась в киоск. После у него было свободное время. Лёша стал думать, чем бы его занять.

Его хлопнули по плечу. Он развернулся на стуле и увидел перед собой Ивана Храмова, одну из главных звёзд журналистского холдинга «ЖИЛАЙВ». Тот, по собственному обыкновению, был одет с иголочки, сверкая своей улыбкой, достойной попадания если не в рекламный ролик Orbit, то в рекламный ролик Five. Храмов сделал свою славу на политических очерках и критичных ответах оппозиции. Когда в двенадцать часов гремели куранты, то вспоминали именно Храмова, настолько хищной акулой пера он был, хоть и получал в ответ за свои материалы косые взгляды от коллег. При личном разговоре с Говорухиным, когда давно, еще в другой жизни, на вопрос Лёши о том, почему он взялся за этот «деревенский туалет» он отвечал, мол «народ сам выбирает, какую информацию ему хавать. Если свиньи хотят жрать бисер, пусть жрут и не выделяются. Они сами всё заслужили, а журналисты просто винтики в древней машине». В последнее время Храмов вел себя немного странно — иногда он с трудом слышал, когда его откликали, и путал кружку с кофе и стакан с канцелярией. На вопрос, что с ним творится, отвечал уклончиво, и сразу переводил тему в другое русло, старался всех отвлекать и отвлечь в первую очередь себя. Вот и сейчас он смотрел будто в сторону, а не на Говорухина, саркастично спрашивая: «Чем гуру отечественной журналистики займется сейчас?»

Алексей шёлкнул пальцами, и Храмов повернулся в его сторону. Спрашивать о странном поведении он не стал, сказал лишь что-то, что у прачки всегда найдется работа, особенно в этом мире. Храмов кивнул и пошел к своему рабочему месту в дальнем углу офиса.

Скоро этаж наполнился дребезжанием телефонов, стуками от соприкосновения пальцев с клавиатурой, писком копировальных машин и утомительными разговорами по телефону. В соседнем кубикле коллега Говорухина, имени которого он не знал, возбужденно кричал в трубку:

— Авария?! На шоссе?! Трупы есть?! А пострадавшие!? Крови много!? Окей, сними всё это, но чтоб жести было побольше! Давай давай! Пока менты не приехали! Сколько!? За 50ка и сам, блядь, могу туда съездить и всё отснять! Двадцать пять! Ладно, ладно! Тридцать рублей! Моё последнее предложение! Забились! НОМЕР! НОМЕР КАРТЫ ВМЕСТЕ ВИДОСОМ СКИНЕШЬ! Идёт!? Отлично! Буду ждать!

Коллега с грохотом рухнул в свое кресло, потирая руки. Отдышавшись, он взгромоздился со своего кресла и тяжелым шагом отправился на перекур.

В это время Говорухин разглядывал стрелки часов, дожидаясь момента, когда он сможет уйти из редакции и не обращать внимание на суету вокруг. День был крайне непродуктивный. Он сделал подборку из инстаграмов звезд шоу-бизнеса и стал думать о том, чем он занимается по жизни. У него бывали такие периоды рефлексии. Периодически, раз в полгода, иногда чаще, он занимался тем, что наблюдал за тем, как его мечты и его взгляды на мир рассыпались домиком из кард. Последние месяцы он только и занимался тем, что пытался найти ответ на вопрос: «А это правильно?», приобретший странную горечь.

От скуки он подошел к Храмову — тот что-то быстро перебирал на своей клавиатуре, на его мониторе был наклеен значок «Единства», в карандашнице одиноко валялась ручка с символикой той же политической партии, на столе также были небрежно разбросаны визитки высокопоставленных лиц, и хоть Говорухин хорошо знал эстаблишмент, некоторые номера оказались для него незнакомыми:

— Поаккуратней с этими визитками, Ваня, а то не дай Бог, люди вроде меня начнут звонит людям вроде них, — Говорухин вскинул голову к потолку, — и дышать им в трубку. Господин Храмов, можете посвятить меня в свое ремесло?

Храмов засмеялся и рукой подозвал его наклониться:

— Смотри, что мы, собственно, делаем. Мы пишем историю, — последнее было сказано с особым предыханием, — вот есть у нас расследование Перевалова на Долгорукова, всеми нами любимого мэра. Можем ли мы оспорить факты? Нет, доказательства на лицо. Что же мы можем сделать? Мы можем написать историю об одном персонаже, чьи имя и фамилия совпадают с переваловскими. Эссе, где мы убираем факты за скобки, и рассуждаем о его мотиве. Чем же он руководствовался? Скорее всего он просто еще один эгоцентричный маньяк с манией величия и алчной жаждой власти, социопат, мимикрирующий под устройство нашего общества, человек, которого нужно воспринимать всерьез, потому что он сделает всё ради своих политических целей. И вообще какой мужик будет влезать в частную жизнь других людей.

— Ты же в курсе, что ты сейчас описал Долгорукова? — с любопытством спросил Говорухин

— Йеп, — поддакнул ему Храмов, — главное, чтобы получатель этого не понял и удовлетворился нашей историей, нашим, так сказать, нарративом.

— О, какие модные словечки тут у нас, видимо, кому-то пошла на пользу либеральная журналистская школа за океаном

— Ну.. — Храмов в мечтательной задумчивости закинул голову, — кому-то на пользу идут пельмени с водкой, мне вот СПА, физические процедуры в Европе и перенятие опыта наших «западных партнеров-шарлатов», — звезда ЖИЛАЙФ спародировал гнусавости Грабина, любившего повторять фразу про партнеров.

Храмов потом добавил: «Первым схватился за дрожжи, и бей их кнутом сколько хочешь. Слова не скажут»

А затем спросил:

— Поможешь вычитать мне текст?

— Что, Ворд перестал всё подчеркивать? — пошутил Говорухин,

— Просто... — Храмов замялся, — и выложить...

— Окей, — он постарался произнести это как можно безмятежней. С Храмовым действительно творилось что-то странное. В частности, в тексте постоянно повторялась опечатка «Пеонвалов», и слова напечатаны будто бы вслепую. Пройдясь по тексту, Говорухину еще пришлось влезать в аккаунт Храмова, чтобы выложить статью — тот сделался беспомощным, погруженным в собственный кошмар.

В этом время стрелки часов перевалили за полдень. Взглянув на них, Говорухин надел свое старое пальто и серой шерсти, взял свою сумку, кинул её на плечо и быстрой походкой направился к выходу, попутно вызывая такси. В коридоре его окликнул знакомый, несший куда-то несколько листов А4:

— Лёша, ты ведь в центре живешь?

— А тут же центр? — отшутился Говорухин, — да, да, что такое?

— А случайно, не на Сакко и Ванцетти?

— Допустим.

— У вас там младенец пропал, украли его, пока не нашли... Может сгоняешь, запишешь?

— Извини, — Говорухин побледнел и почувствовал тошноту, — не могу, дел невпроворот.

— А, okay, попрошу кого-нибудь другого.

Но Говорухин, не дослушав, уже быстро спускался по лестнице.

На улице он увидел Подрулина, тот стоял в курилке, выкуривая очередную сигарету и нервничал:

— Что случилось, Арсений Палыч? — иронично спросил журналист,

— Да не нравится мне всё это нихуя, Лёша, ой как не нравится. Надо было оставаться в отпуске подольше, чтоб под удар не попасть.

Подрулин очень часто устраивал себе отпуска, чтобы подлечить нервы. Однако ни жена, ни любовница не помогли ему найти какое-то душевное успокоение. С тех самых пор как он возглавил «ЖИЛАЙВ» несколько лет назад он набрал вес, поседел и обрел лысину.

Говорухин понимающе кивнул и ответил:

— От кого удар-то ждёте, Арсений Палыч?

— Да ото всюду, Лешёнька, никому нельзя доверять, все предатели, все свидетелями пойдут! Ты сигарету будешь?

— Нет, я бросил. Но вы же со мной говорите. Откуда удар ждать?

Подрулин посмотрел ему в глаза и отвел свою голову в сторону:

— Оттуда, Лёша, из-за Перевалова. Колонка боюсь недостаточно обличительной была. Вот они возьмут меня за фаберже, а что я им в ответ: «Да как его, этого жида треклятого, за фаберже брать?»

Тот посмотрел на Говорухина вопросительно, ожидая ответа, но вместо этого он произнес:

«Извините, моё такси уже приехало». Алексей не стал терять и секунды, в два шага добравшись до машины, и запрыгнул на заднее сидение, оставив недоумевающего и нервного Подрулина одного.

Говорухин был сонным. Такси застревало в пробках, и он опаздывал на встречу с информатором. Расположившись на заднем сидении через окно он стал озирается вокруг и оглядывать прохожих. Сонные, погруженные с головой в свои проблемы, эгоистичные — они не замечали того, что мир вокруг рушится. А если что-то их и пугало, то это самое что-то само собой утихалось и становилось поводом не копить, а приобрести новый холодильник или телевизор в кредит. А может даже взять ипотеку. Говорухин уже в сотый раз пожалел о том, что бросил курить. Переносить действительность было непросто. Хоть сейчас идти за прозаком в аптеку. Встреча была в центре, но чем ближе автомобиль приближался к точке назначения, тем сильнее ощущались толчки, кочки и ямы. Говорухин всё облакачивался виском на стекло, подзасыпал и тут же просыпался от пройденного ухаба.

Дорожные артерии города были похожи на сосуды больного сердечника, в которых образовывалось несколько тромбов. Движение было чуть ли не статичным, напоминавшим немое кино начала двадцатого века, будто бы кто-то медленно крутил ручку проектора по другую сторону этого мира. Уж чего-чего добавь бодрое постукивание по клавишам пианино, и вот тебе новый фильм Братьев Люминых, скинувших Кубрика с корабля истории.

Информатор назначил встречу в кафе, в людном месте, больно он не любил эту конспирологическую чушь с глухими парками, обменами паролей и шифрованием. Человеком он был простым и деловым, из того типа людей, которые не требовали особой обходительности в разговоре, и Говорухина это устраивало.

— Приехали, — раздалось откуда-то спереди. Говорухину пришлось открыть глаза. В этот же момент раздалось смс-уведомление о списании денег.

— Спасибо, до свидания, — пробурчал Говорухин и вывалился из транспортного средства, попутно замочив ботинки. Он выругался, окинул взглядом место randevu — кофейню, обделанную стеклянными стеклопакетами, с улицы было видно, что происходит внутри, его информатор сидел прямо на виду — и, поднявшись по ступенькам, проследовал на встречу.

Он подошел быстрым уверенным шагом и присел за столик, вразвалочку расположившись на стуле. Информатор его оглянул, потом оглянулся по сторонам, будто бы искал в помещении микрофоны, камеры и наружную команду слежения, затем они пожали друг другу руки.

Это был стремительно набиравший вес от семейной жизни человек, лет тридцати. Из тех людей, которых дома ждет любящая беременная жена, похлебка с брокколи и незаконченный ремонт. На голове у него торчал ёжик, сквозь который проглядывалась начинающаяся лысина, из кармана куртки, ватника, не подходившего ему по размеру, вываливалась ксива, в глазах читалась лёгкая паника, и то ли она возникла от будущего отцовства, то ли от предмета их разговора.

Говорухин начал беседу:

— Ты сегодня какой-то немногословный. Что решил на этот раз подкинуть? Очередную пьяную селебрити, пойманную за рулем в нетрезвом виде?

Тот молча вытащил белую папку из состаренного картона из своей сумки и положил её на стол, вдохнул, и шепотом произнес:

— Сам посмотри

Говорухин подтянул папочку к себе и развернул. На титульном листе было написано: «Уголовное дело № 41653». Он открыл её, перед ним оказался протокол с места преступления, написанный кривым почерком, со следами от пролитого кофе. Говорухин стал вчитываться:

«Около четырех часов утра наряд полиции был вызван по адресу Копейкино-Матфеево Шоссе, дом 213 из-за подозрительного шума, доносившегося изнутри. По прибытию полицейских оставила охрана дома. Сославшись на телефонных хулиганов, они посоветовали наряду уехать. Тогда ими было принято решение настоять на осмотре коттеджа, дабы удостовериться, что никто не пострадал. В ходе проверки дома они обнаружили на втором этаже труп потерпевшей девушки, которой оказалась Прилескина Вера Николаевна, шестнадцати лет от роду. Её горло было перерезано, а запястья привязаны изолентой к створкам двуспальной кровати, модели Softsleep1001, рядом с трупом девушки. В соседней комнате нарядом был найден подозреваемый Долгоруков Захар Анатольевич, шестнадцати лет от роду. Его руки были в крови, а сам он, по показаниям полицейских, пил чай и улыбался. Место преступления было оцеплено, а наряд вызвал команду судмедэкспертов и задержал Долгорукова.

Из отчета патологоанатома становится ясным то, что девушке было нанесено пять ножевых ранений в области шеи и четыре ранения на каждом из запястий, а сама она до последнего сопротивлялась. Об этом говорят кожный покров, найденный под её ногтями».

Говорухин перевернул страницы, и увидел фотографию Веры — каштановое карэ, чистая кожа, губы уточкой, стройное лицо и голубые глаза, в которых нет ни толики подозрения того, что с ней произойдет, ни отчаянного фатализма, склонность к которому питают подростки. Он снова перевернул лист, на следующей странице оказались фотографии с места преступления — у Веры на них был вывален язык, светлая блузка закоптилась от засохшей крови, а голубые глаза выскальзывали из орбит.

— Вам что-нибудь нужно? — Говорухин вздрогнул и поспешно закрыл папку. С комом в горле, не смотря на официантку, он отхаркал: «Американо с виски, и ему тоже».

Затем он тихо пробормотал:

— Она была красивая. Очень красивая.

Они сидели молча. Говорухин снова прервал молчание, но уже злостью и желчью:

«Саня, меня-то зачем впутывать?! Я же тебя просил — никаких политических блудняков! Я этим не занимаюсь! Герой-полицейский, твою мать»

Информатор возмутился:

— Да, твою мать, герой-полицейский! Знаешь, что мне за это будет. С работы нахрен могут уволить! Я это дело вообще должен быть сжечь! — разговор шёл на повышенных тонах.

— Ах, не потеряны моральные ориентиры! Ну значит, когда сынок мэра! — Говорухин закричал, посетители кафе на него оглянулись и снова продолжили заниматься поеданием десертов и своими напитками. Журналист перешел на шёпот, — это же сын Долгорукова, да, Саш? Думал я не пойму — сколько Захаров Варленовичей, проживающих на элитной недвижимости вообще существует? Наверняка сотни, твою мать! Когда сынок мэра убивает бедную девочку, то это моё дело, а не ваше!? Извини, Саша, у меня аллергия на чай с полонием и свинец! Мне доктор прописал сон с девяти до семи, зарядку и отсутствие нервных потрясений!»

— А что мне было делать?! Не ты же стоял перед горем убитой матерью, сообщая ей о

смерти дочери, зная, что убийцу ни за что не привлекут к ответственности! Этот паренек просто гребаный псих. Сразу после того, как этот выблядок прикончил девчонку, он отослал своему другу аудиосообщение, в котором рассказывал, как её резал. Ты мне скажи что делать-то?! Умник, блядь, нашелся. У меня дочка на подходе, а у тебя-то что? Кто в твоей жизни есть!? Да никого нет! Только твоя сраная работа. Писака мне тут нашелся!

— Еще раз ты скажешь об этом хоть слово, — Говорухин изменился в лице, — и я разmozжу твою голову об угол этого кофейного столика, а затем допью свой американо, пока твое бездыханное тело будет свисать со стула, и мне будет глубоко плевать, что ты мент, и что тебя дома ждёт красавица-жена и маленькая дочка, — с леденящим спокойствием проговорил журналист, он взглянул на соседние столики и промолвил, — смотри в оба, воздушные замки имеют свойство обращаться в пыль.

Информатор изменился в лице и проямлил извинения

Говорухин отвернулся от него и стал выстукивать указательным пальцем по своему виску. Он вытащил из своего кармана пятитысячную купюру и протянул своему информатору в руку.

— Чего ты от меня хочешь?

— Освети это дело. Сыграй на этом, ну как его, (информатор стал нервно чесать голову) ... общественном резонансе.

— Ты же понимаешь, что меня могут уволить? — спросил Говорухин. В ту минуту он ненавидел своего знакомого.

— Но у тебя есть пути... выходы

— А еще у меня есть редактор, который никогда так не подставится, — отрезал журналист

— Ну придумай, что-то. Ты же изобретательный.

— Лишаешь меня работы за собственные бабки — вот уж изобретательность.

Говорухин стал тереть переносицу, повисло молчание:

— Номер матери там есть? Или адрес? И как я с этим юным Чикатило могу поговорить?

— Всё в папке, а с Захариком... ну он сидит под домашним арестом.

— всё-таки под домашним арестом? Суд постановил?

— Нет, папа...

— Ну скорее всего он уже свинтил за границу в свой Гриффиндор, или рубится в приставку..

Журналист опустил свою голову на стол и пробормотал: «Иди уже нахуй, святоша хренов и не подставляйся. Обещать ничего не могу, но папку я сожгу. Привет жене».

Принесли кофе, а Говорухин, оглядывая проезжающие машины, будто бы упущенные развилки, думал о том, во что же он вляпался, и чем же это закончиться.

На обратном пути в редакцию Говорухину позвонили и попросили заехать в больницу для репортажа про избивание подростка. Парня лет четырнадцати жестоко избил толпа ребят. Семь или восемь человек накинулись на него, словно гиены на мертвое тело. Причин никто пока не оглашал, но в сеть попала запись с камер, запечатлевших это преступление. Благо больница была недалеко где-то в центре, и Говорухин решил пройтись до неё пешком. Оглядывая потухшие лысые деревья, свежоокрашенный металл оград, воду и лужи, переполнявшие водостоки и канализации, серые каменные дома, переполненные от людей улицы он пытался решить как поступить с папкой и что делать. На вопрос «кто виноват?» несколько дней назад ответил Захар Долгоруков своим деянием. Власть Города не любила цацкаться, а Говорухин не любил с ней пересекаться. Он пытался просчитать все варианты событий, которые приходили к одной и той же точке: его убьют. Неважно где, неважно когда. Может завтра, а может спустя пять лет, поэкспериментируют, поотрывают ножки, как дети у беззащитных тараканов. Заставят ходить и оглядываться за спину. Так они поступают со всеми.

Вдруг он услышал чей-то громкий говор:

«УБИТЬ ВСЕХ НАХУЙ НАДО МРАЗЕЙ!» — Говорухин обернулся. Перед собой увидел опущенца, из тех людей, что каждый день на вокзалах кляччат мелочь, чтобы доехать до дома, а потом на неё покупают дешёвую водку.

«ПИЗДА БЛЯДЬ С УШАМИ ШАЛАВА ЕБЕТСЯ СО ВСЕМИ УБИТЬ ТАКИХ НАДС проорал алкаш.

Говорухин ссутулился и уткнулся в свое пальто. До больницы оставалось недолго.

Лучи заката прорывались сквозь черный дым, закрывавший солнце. Лысые деревья не спешили обзаводиться листьями, как бы вторя окружавшему их пространству. На больничном крыльце стояли врачи — курили и обсуждали то, как они собирали какого-то пацана по осколками. Рядом стояли больные: кто-то с костылем, кто-то с почти развязавшейся шиной на руке, кто-то с повязкой на глазу. Хвалили Грабина, поносили геев и либералов. Говорили, что все под Богом ходим и Перевалову больше достанется, потому что он некрещенный. Говорухин не стал обращать на них внимание и очутился в холле. Запах кислых щей и хлорки бил в нос. У регистратуры стоял гундеж и вой. Спорила какая-то старушка, отчитывавшая медсестру за то, что она потеряла её карту, что лечится тут, как ставить мертвому припарки. Пока все бланки заполнишь, уже можно тратить копейки, отложенные на черный день. Он стал искать указатели, по которым можно было бы сориентироваться в больнице, перед этим надев бахилы.

Однако, больничную разметку делал тот, кто очень сильно любил пошутить. По указателям, ведущим в реанимационное отделение, Говорухин оказался в родильном. Через окна палат были видны счастливые мамочки, обрекающие своих детей на жизнь в этом мире. Говорухин подумал о том, что правильной было бы никого не приносить на этот свет. Зудом от бормашины встряли воспоминания в его голове. Он поспешил удалиться. Проходя травму, он спросил дорогу у медсестры. Та в испачканном кровью халате сказал, что он вообще не на том этаже, да и тут всё постоянно меняется. Отделения переезжают каждый день, и каждый день приходит новый стандарт заполнения бланков, бумаг и больничных карт.

В реанимацию никого не пускали. У дверей, по ту сторону которых разворачивалась борьба между жизнью и смертью, скукожившись на лакированной лавочке сидели мужчина и женщина. Мужчина пытался скрыть свое волнение и озабоченность, успокаивая свою жену, пока та с глазами, выгоревшими от горя, безучастно смотрела в стену, изучая мозаику синих обоев. Время, как будто бы замерло для них, и впереди была только непроглядная бездна, озарявшая завтрашний день.

Говорухин подсел к ним, не став ничего говорить или спрашивать. Слезы, третий раз в его жизни, побежали по его щекам, пока он пялился в эту стену. Она всегда ему повторяла, что у него слишком слабый болевой порог, а он с ней спорил, пытаясь доказать, что это не так. В конце концов, именно на него, всегда на них, навешивается ярлык, дескать он должен всегда быть сильным и всегда готовым защитить. Соленые капли сушили кожу. Он сжал кулаки и прохрипел: «Прости меня». Слезы полились градом, и Говорухин не стал сдерживаться, не стал прятаться и скрывать свою слабость. Прошло минут пять прежде чем он перестал рыдать, прежде чем носовые пазухи набухли от напряжения. Муж и жена, родители мальчика не проронили ни слова.

И вот они сидели втроем на лакированной лавочке перед реанимационным отделением, и единственное, что их объединяло, та бездна, озарявшая не только завтрашний день, но и конец жизни.

Из больницы Говорухин уехал на такси. Садясь на заднее сидение, он подумал, что это было очень комичным, когда ему пришлось сбегать до банкомата, чтобы снять денег на взятку медсестре. Та проронила, что парня ввели в искусственную кому, а полиция уже нашла преступников. Ими оказались какие-то бездельники, которые не раз и не два привлекались за хранение и драки. Говорухин переслал информацию в редакцию с припиской, что дело кажется шитым белыми нитками, раз и свидетели, и камеры показывают на то, что там была толпа школьников. Следом Говорухин открыл на своем смартфоне видео, то разоблачающее расследование Перевалова, о котором сегодня так нервно толковал Подрулин. В самом ролике раскрывались подробности о недвижимости Долгорукова — был дом где-то за границей ближе к Альпам, зарегистрированный на третьих лиц, был целый этаж дорогостоящей недвижки в жилом доме ближе к центру. Там когда-то проживали партийные шишки, которых затем загнули в рог в 37-ом. Был личный вертолет, на котором, судя по снимкам из инстаграма Долгоруков любил выбираться на охоту. Был и проклятый дом на Копейкино-Матфеевом, зарегистрированный на жену. Говорухин с иронией подумал о том, что властимущие совершенно не умеют прятать свои богатства. Доказательная база выглядела солидно. Ролик набрал сто пятьдесят тысяч лайков. В комментариях люди писали, мол «на виселицу такую власть», «вилы в руки», «вперед на митинг», но что-то Говорухин не видел бастующих жителей с факелами и коктейлями Молотова, готовыми устроить переворот на площади. Вместо этого были лишь форсированные атаки ретвитами и репостами. Ссылки распространялись будто споры, заполнявшие сырую комнату гибком. И с этим ничего нельзя было поделать. Если информация — это оружие, то с тупым концом. Разящая не как шпага, а как её эфес. Нужна ли она? За гущей дыма хлипкий выхлоп. Видимо, что нет. Людей не интересует суть, их интересует её потребление. Поставлен перед фактом — значит молодец. Достаточно просто засорить инфополе, и выйти в дамки. Удар от эфеса будет равен силе от удара молотком из поролона.

А что до Говорухина, то он бросил попытки отфотографировать папку в трясущемся такси, и сейчас пытался составить план по игре, которую ему предстояло ввести. Главным преимуществом, которое у него было, оказались не ораторские способности, а то, что противник пока не знает, что кто-то начал ввести против него действия. И желательно, чтобы так оставалось до конца — написание статьи — занятие долгое и трудоемкое, а когда ты висишь на крючке, не так много времени остается до того, пока кто-нибудь потянет за леску. Весь удар должен прийтись только на него одного. Нельзя, чтобы кого-нибудь постороннего это зацепило. Именно за этим Говорухин направлялся в один из самых хмурых районов города, жившим отдельной жизнью.

С работы Говорухин отпрашивался, когда шагал по разбитой тротуарной дорожке гнетущего квартала панельных домов. Дорожкой трудно назвать ту массу из грязи, отхарканной слюны и слякоти. Он старался скакать по выпиравшим из бугоркам этой трясины бугоркам, попутно разглядывая те места, в которых прошло его детство.

Вот тут, у подъезда этого серого дома он впервые попробовал с одноклассником пиво. Ему было четырнадцать, и тогда всё было окутано ореолом запретности. Сердце стучало, подпирая табу. Он тогда не понял прелести этого дешевого хмельного напитка со вкусом перебродившего компота, и, сделав пару глотков, оставил бутылку на откуп своему другу. Тот вроде недавно погиб, повесился в алкогольном угаре, и может быть Говорухин бы и горевал по нему, если бы их пути не разошлись по окончанию школы.

Сейчас у того же подъезда тоже сидела парочка каких-то школьников, пуповиной привязанной к панельке, и посасывала бутылки «Беринга». На блоке, как потом понял Говорухин, выживал не самый сильный, самый сильный попадал в тюрьму, а самый умный — тот, кто сидит дома и мечтает вырваться отсюда.

Где-то неподалёку во дворике, окруженном серыми бетонными стенами старой застройки, гуляли матери со своими детьми. В руках у каждой из них было по сигарете, дым от которых обволакивал коляску. Там же занимались на турничках какие-то ребята в спортивках, из тех, что берут дань мобилками. Говорухин не хотел искать проблем, потому разминулся с ними, направляясь в свою колыбель.

Тягостное, шершавое, свинцовое, покрытое цементными шрамами девятиэтажное здание, скрывавшееся за подобными ему зданиям, затухшим очагом открылось ему. Он подошел к деревянной двери, выкрашенной будто еще в предыдущем столетии, с установленным домофоном, набрал номер нужной квартиры и позвонил. Из динамика раздался женский голос, спросивший кто это. Говорухин с несвойственной ему мягкостью ответил: «Это Лёша». Женский голос посоветовал ему подниматься на лифте, мало ли что может случиться на лестничной клетке — обиталище местных наркоманов. Заслышался противный писк, и дверь растворилась.

Внутри подъезд выглядел, как обычная парадная. Облупившиеся от сырости краска с штукатуркой, сломанные почтовые ящики, подпаленные потолки, с которых свисали на харчках сожженные спички. «Всё как всегда, наш девиз — где живем, там и срем» — подумал Говорухин, нажимая на расплавившуюся кнопку вызова лифта. С крутым скрежетом лифт, застревая в шахте спустился вниз. Говорухин зашел в кабину, напоминавшую гроб, сделанный из старого шкафа, и скрипящие створки с нарисованным на них габаритным половым органом закрылись.

«Вот она ирония судьбы, вроде как собираешься идти на войну с мэром, а убить тебя может техника из прошлого государства. Как подавиться костью от персика перед Ватерлоо». - подумал Алексей, пока лифт тащил его вверх на седьмой этаж.

Створки снова открылись. Прошло шесть лет, а лестничная клетка не поменялась. Как и была побитая выцветшая керамика, так и осталась. Лишь металлическая дверь, к которой он направлялся теперь, заменяла старую, болезненно желтую.

Говорухин нажал на звонок. Тот хило всхлипнул. За стенами слышались какие-то шаги, и потом с металлическим скрежетом в проеме появился мальчик — на вид ему был не

больше десяти, но он уже был серьезным и хмурым, будто бы узнал, что жизнь не имеет смысла:

— Это кто? — спросил он тихо, но в то же время сурово.

— Боря, ты меня плохо помнишь... — Говорухин осекся, мальчик своим видом напоминал ему хищного зверька, вроде куницы, — я давно у вас с мамой не был, — он вздохнул, — в общем, я твой дядя Лёша.

— А, — отреагировал ребенок, будто бы услышав пустой звон.

В полутемном заваленном обувью узком коридоре, обклеенном обоями, когда-то не знавшими, что такое разводы от потопа, появилась мать. Говорухин увидел свою сестру и отвел взгляд, проронив что-то вроде: «Да у вас тут ремонт был». Боря, насупившись ответил, что не было, так как на него денег нет.

Сестра жестким тоном отрезала: «Пошли на кухню», потом добавила: «И обувь в прихожей сними». Говорухин неуклюже выдавил из себя улыбку и послушался.

С тех пор, как их дед, получил эту квартиру, когда он работал на заводе и устроил что-то вроде обмена с умирающей матерью, это двухкомнатная жилплощадь стала для Говорухиных своего рода гнездом, в котором вились члены его семьи. А сейчас... почти никого не осталось. Отец эмигрировал за границу в девяностых вместе с любовницей и вспоминал своих отпрысков только на странице фэйсбука. Хвалился, что его сын работает колумнистом в самом «ЖИЛАЙФ», что журфак — это настоящая школа жизни, которую тот прошел с отличием.

А мама... в какой-то момент просто сломалась. Не смогла вынести свалившейся на неё нагрузки. Рак съел её быстро, как раз тогда, когда Говорухину исполнилось восемнадцать. Через несколько дней после похорон он съехал отсюда — кое-какое время голодным скитался по Городу, пока ему не удалось выбить себе комнату в общежитии, и больше не возвращался. На звонки родных отвечал неохотно. Никому не сказав, поменял номер, вместе с ним почту. Так он и развел свою дорогу в Городе с дорогой своей сестры. Лишь единожды он вернулся, когда на сороковой день посетил могилу той, что принесла его в этот свет. Глядя на сосновый крест, воткнутый в землю, он думал о том, что надо бы заменить его мрамором. Она этого заслужила.

Говорухин последовал за своей сестрой на кухню, как следовал всегда. Она была старше него лет на пять, и в детстве она постоянно за него заступалась, когда его угораживало попадать в дворовые разборки. Порой она приходила и на родительские собрания, когда мама задерживалась на работе, порой и в частном порядке, чтобы отодрать за уши хулигана, пристававшего к маленькому Лёше. Говорухина захлестнули воспоминания о прошлой жизни, на его лице появилась дружеская ухмылка, а в зрачках горечь. Сестра закрыла за ним дверь, пока он присаживался на шатающуюся табуретку. Месту явно не хватало мужской руки, но Говорухин быстро отогнал от себя эти мысли. Он оглянул кухню, выглядевшую будто бы фотозаготовки из старого журнала «Домострой», но состарившуюся. Отвалившаяся кайма от шкафчиков из ДСП, ржавый холодильник, от шума которого вполне могло заложить уши, потрепанная плита с разводами от жира, растения на шпакленном подоконнике, почему-то только кактусы, и столик, на скатерти которого присутствовали кофейные пятна. Говорухин уставился на свою сестру. За эти годы она постарела, мешки под глазами куда заметней, чем были до этого, на лице гримаса усталости, и волосы, сложенные в пучок соломы. Он попытался выдавить из себя улыбку, но у него не вышло. Сестра с укором посмотрела на него и он отвернулся. В голову ничего не пришло, кроме вопроса «Как

дела, Света?», прозвучавшего очень неуверенно, будто бы из уст нашкедившего парня, пытающегося не получить по полной от предков. Повисла тишина, нарушаемая шумом рефрижератора. Говорухин повернул свою голову обратно. Света покраснела, на её лице появились слёзы. Она накинулась на Алексея, который не стал сопротивляться. Пощечина, еще одна, и еще одна, и еще, следом шли хлесткие шлепки, оплеухи, подзатыльники, бившие без разбора по щекам, по шее, по затылку, по ушам, по темени. Света схватила его за волосы и стала таскать его за башку то туда, то обратно. Из её уст раздавались истошные вопли вкупе с истеричным плачем. Оглушенный Говорухин смог разобрать только: «ГНИДА, ТЫ НАС БРОСИЛ! СВОЛОЧЬ НЕБЛАГОДАРНАЯ, ЗАЧЕМ ТЫ...»

Она выбилась из сил, толкнула Алексея плечами в стену и облокотилась на буфет. С буфета она съехала вниз и оказалась на полу, поджав колени к груди, а спину к утвари. Говорухин пытался прийти в себя, попутно доказывая себе, что если бы это не была его сестра, он бы ответил. Света с исподлобья посмотрела на него и спросила:

— Чай будешь?

— Буду, — промямлил Говорухин.

Прошло как минимум пару часов с тех пор, как Алексей и Светлана, разговаривали на кухне. Говорухин рассказал о том, как работал в газете «Передавица», из которой впоследствии ушел в поисках лучшей жизни, как работалось колумнистом в «ЖИЛАЙВе» как у него сложилась личная жизнь (бывшая ли вообще, кто знает? Журналист мечтал о том, чтобы всего того сумасшедшего года никогда не случилось). Света в ответ поделилась историей о тяжелом разводе, о том, что она повторила ошибки матери одна за одной, о том, что нашла работу — низкооплачиваемую, но позволявшую проводить больше времени с сыном. Тот был достаточно хилым и очень странным ребенком. Много читал, причем не Носова, Драгунского или «Гарри Поттера», а Шпенглера, Фромма и Шопенгауэра. Принимать в школу его отказались. Учителя посчитали его слишком «жутким». Она возмущалась, пыталась пробить место в учебном заведении по инстанциям, давила на то, что если он не социализируется, то общество потеряет будущее. В инстанциях кормили завтраками, а позже прямо сказали — будь попроще. Говорухин участвующе кивал головой и изумлялся не только произволу, но и способностям ребенка. Света говорила, что вкладывает свою жизнь в него — на крохи от пособия покупает ему соки, да балует сладостями, хотя сама давно уже забыла их вкус. Она беспокоилась о том, что сын с трудом идет на телесный контакт — она его обнимает, целует в лобик, но он редко проявляет что-то в ответ.

Говорухину стало легче. Кое-что до сих пор гложило его внутри, но он давно не чувствовал себя почти неплохо. Ему не хотелось избавляться от этого ощущения, зная, что сверни он разговор в другое русло, то момент будет упущенным. Лучше уж так — двое людей, один из которых изливает горе в разбитое корыто. И всё же Свет сама поставила вопрос: «После стольких лет зачем он пришел?»

— Попросить тебя и Борю уехать из города. — ответил Говорухин, на его лице не дрогнул ни один мускул. — к тетке, подальше отсюда. Кое-что грядет и мне придется подставиться.

Света недоуменно на него уставилась:

— Как? — голос её сорвался, — бросить всё? У нас тут... быт и жизни...

— И я хочу, чтобы вы дальше продолжали жить. Но не здесь, иначе вам не будет покоя.

— Лёша! — тут она стала говорить громче — не виделись семь лет! Так и ты еще и прогнать нас решил!? Тебе бабок что ли мало?! Ты и квартиру решил продать!?

Говорухин не выдержал:

— Света! Оставь это глупое мешанство! Я ввязываюсь в жуткую авантюру и хочу убрать вас из-под удара! Я хочу поступить правильно! Хоть раз в этой жизни!

Он замолчал, отдышался, растер себе шею. Света отпила из кружки чаю, и он, уже успокоившись, продолжил:

— Мир — это очень страшное место, Свет. Он дышит наладом, ты и сама это видишь... И я это вижу, но я постоянно... — он пробовал подобрать слово, — бежал от этого. А бежать до бесконечности просто не получится. Я устал. И я хочу остановиться. Чтобы остановиться — надо поступить правильно. И меня уже не ебет.

— Лёш, — голос её был мягким, — красота всегда в глазах смотрящего.

— В глазах смотрящего? — Говорухин усмехнулся, — Красота в глазах смотрящего — это когда ты наблюдаешь, как у людей уходит почва из-под ног и всё летит по, — он

осёкся, — в тартарары.

— Не смешно, Лёш.

— Я и не смеюсь, Свет, — выпрямившись ответил Говорухин, — Вот тебе пара примеров из моей журналистской практики за неделю. Парня подростка избивают в парке. При людях. На записи человек десять! За то, что с бывшей одного из них погулял под ручку. Я еду к нему в больницу и понимаю, что молодой пацан всю жизнь будет овощем! Вижу, что родители умерли от горя, думали, что растили сына на великие свершения, а вырастили на убой. А в ментовке это дело повесили на каких-то уголовников! Вот она краса, да!? — в глазах Говорухина выкипала злость, — Вот тебе еще, мужик, стоит охраняет мемориал, к нему подходят и говорят, типа «Ты чё не за нас!?», он в ответ: «Я не хочу с вами разговаривать», ну они ему хрясь и в ебало — нос сломан, положили в больницу, а через пять дней он умирает. А этот биомусор не посадят! Уголовку по нападению не успели завести! — голос Говорухина, будто бы выражал эсхатологический экстаз сумасшедшего, Света поменялась в лице — Недостаточно, давай еще! Девочка, пятнадцать лет! Берет котят и швыряет их об стену! ИЛИ режет их кухонным ножичком, снимая это всё на купленную блядь заботливыми родителями мобилку, выкладывая трансляции в соц. сеточки! Мы с тобой были такими!? **МЫ С ТОБОЙ БЫЛИ ТАКИМИ!?** Как мы вообще тут очутились!? — Говорухин покраснел, он поднял указательный палец вверх, — А знаешь как разгрести? Да никак. У людей просто совок из голов не вышел! — он стал тыкать пальцем в висок, — **И НЕ ВЫЙДЕТ ПОКА НЕ УМРУТ! И ПЕРЕД СМЕРТЬЮ ОНИ ЗАБЕРУТ С СОБОЙ СТОЛ СКОЛЬКО СМОГУТ ПРИХВАТИТЬ!** Никакой личной ответственности. Просто не научил Они всё спустили в пизду, а нам это оставили разгребать.

Говорухин снова ссутулился, и подумал о том, что большая часть людей, рождавшихся в городе, появлялась на свет в панельных районах, и уходила в панельных домах. Его мысли прервала ошарашенная Света:

— Ты можешь прямо объяснить? Зачем нам надо уезжать? — она выражала сочувствие.

Говорухин уставился на кружевную занавеску и произнес:

— Затем, что сын мэра зарезал свою бывшую подругу, а дело пытаются, точнее думают, что слили в трубу. Надо это осветить, а когда я это освещу, будут большие проблемы. Эти люди не привыкли цацкаться, они сделают всё, чтобы досадить.

— А почему не слить это всё в сеть? Анонимно? Избежать всего этого? — с надеждой спросила Света

— Потому что тогда они отмажутся. Скажут, что недоброжелатели пустили дезу. «ЖИЛАЙФ» — структура официальная и надежная, если это можно сказать про СМИ.. хотя предположу, что найдется еще кучка идиотов в телеграме или фэйсбуке, рассуждающих на то, что кто-то заказал кампанию против мэра.

— У меня нет денег, Лёш, — с тоской сказала Света — на что нам жить у тётки, работу сразу не найти.

— Насчет денег — не волнуйся. Я дам сколько нужно, — заверил Говорухин, — в журналистике совесть неплохо компенсируется. Можно даже взять ипотеку.

— И еще... — Света не знала, как это произнести, — дед...

— А что с ним?

— Он лежит в соседней комнате. Ему трудно ходить, и боюсь, что скоро он... — она посмотрела на потолок.

Говорухин почесал немытую голову, потом отвесил: «Я обо всё позабочусь. Собирай

пока чемоданы. Билеты купим на вокзале... и можешь сколько угодно прощаться — время терпит».

Он вздохнул и уткнулся в пол:

— Лёш?

Он откликнулся:

— Это навсегда?

— Не знаю, — Говорухин быстро отвел взгляд, и стал допивать холодный чай. Его терпкий вкус напоминал о детстве.

Света ушла в другую комнату, где покоился дед, чтобы объясниться, пока Говорухин вместе с Борей оставался в гостиной и сидел на чемоданах. Он стал осматривать старый сервиз, на котором в рамках были фотографии матери — вот она в молодости счастливая торчит на диване и улыбается. А вот фото с тех времен, когда Говорухина забирали из роддома. Рядом был поставлен аналогичный снимок, но уже со Светой, держащей в руках своего новорожденного. Боря и тогда выглядел хмурым, странно всё это. Из-за стены раздавались какие-то грубые всхлипы. Дед в своем репертуаре. Жесткая рука, прямо Сталин. Заводской рабочий. Амбиции начальника он удовлетворял, правда, только дома. Терроризировал всю семью, пока сердце позволяло, да было кому слушать. Считал, что все ему должны за эту квартиру. А потом, когда Говорухинных сживало с белого света, чуть-чуть смягчился. Хотя в последнее время опять началось. От скуки больно много телевизора смотрел. А вот и книги, с которыми были проведены подростковые годы: «Гадкие Лебеди» Стругацких, эссеистика Толстого за 1894 — 1910 года — там и Ходынке, и о Кровавом Воскресенье, и о том, что Империи суждено умереть было написано, а вот и «Тихий Дон» Шолохова. На «Гарри Поттера» денег не было. Литература с советских времен.

Алексей повернулся к мальчику и, сев на корточки, решил отвлечь его от вынужденного переезда расспросами: «Кем Боря хочет стать?», он ответил, что хочет стать тем, кто их отменит. Говорухин выразил немое удивление и переспросил:

— Кого их, Боря?

— Вас... — последовала напряженная пауза, — мы вас отменим. Вы погрязли в корысти, в меркантильности, злобе и эгоизме. Не замечаете, что убиваете всё, что вокруг вас. Природу, людей, всё живое, что попадаете вам под подошву своей пошлостью. Вы обмельчали, вас надо убрать подальше. Как мусор. Как ненужную вещь в кладовку.

Говорухин стало не по себе, его лицо приняло задумчивое выражение, он усмехнулся и отвернулся в сторону:

— Боря, — журналист взял доброжелательный тон, — скорее всего твое поколение превратится в таких же уродов, еще больших уродов, чем моё поколение, потому что от осины не родятся апельсины. И у вас ничего не получится... Но если получится, то я буду только за — отменяй сколько влезет... Маму только свою пожалей, она много всего из-за тебя и за тебя вынесла.

Ребёнок ответил, что не может уже ждать. Говорухин сказал, что ему придется, потом с иронией добавил, что для осуществления замысла Боре надо есть чаще кашу по утрам.

Послышался скрип дверной ручки. Света вышла с озабоченным лицом и попросила Говорухина поговорить с дедом. Тот встал и твердой походкой вошел в дедовские покои.

Внутри было тускло и темно, единственным полноценным источником света, помимо окон в комнате был включенный телевизор, по которому шло какое-то политическое шоу. В крайнем углу комнаты, туда, куда не падали лучи, лежал дед на своем потасканном диване, который он когда-то притащил с барахолки. Его ноги оставались неприкрытыми под скомканным шерстяным одеялом, заправленном в дряхлую наволочку

— Кто там? Я не вижу, — из угла раздалась сиплый голос, казавшийся когда-то грозным.

— Это Алексей, дед, — произнес Говорухин, — как дела? Что по ящику со сказками

рассказывают?

— Да пока не родила! — старик со злобою ухмыльнулся, — рассказывают там, Лешёненька, что вы — либералы, молоденькие все, с телефонами — два процента дерьма, и вас стягать надо... (он сделал глубокий хриплый вдох) на кого вот страну оставляем?

— Ну на твоём месте я бы не стал плевать в колодезь, который будет тебя кормить, — заметил Говорухин.

— А я бы на твоём месте не хамил старшим, говнюк... Предатель! Уважать надо! — вырвалось у деда

— Если шлюха дотянет до твоего возраста, мне тоже надо её уважать? — съязвил журналист

— ДА КАК ТЫ! Колотить тебя надо было больше. Дурь всю мать твою не вышибла! Я бы тебя, если бы мог! — из темноты высовывалась неуклюжая рука, бывшая воздух.

— Что ж, довольствуйся своими ошибками в воспитании, а ещё скажи: «До свидания» Свете и Боре.

Дед обиженно что-то промямлил. В ответ Алексей спросил: «Сколько раз жрешь?» и «Сколько раз меняли подгузник?». Дед давился гневом, но прорезал сквозь зубы: «Три и один».

Говорухин саркастично парировал, мол отлично, и пообещал приехать сразу же, как проведет свою сестру и племянника на вокзал. Уже в дверях старик его окликнул, мол «зачем им уезжать?», на что журналист с показным безразличием ответил: «Одни уважаемые люди делают очень плохие вещи, и им надо напомнить, что они не такие уж уважаемые. Наслаждайся птичьим пометом» — журналист посмотрел на телевизор и закрыл за собой дверь.

На дорожку сидели молча. Света только теребила ребёнка, смотрела правильно ли он завернул шарф, проверяла, есть ли в кармане перчатки. Боря, отчужденно, будто бы неваляшка, подчинялся. Настала пора выходить, вызванное такси уже подъехало, и водитель ждал внизу, поерзывая в кресле своего автомобиля, держа руку около своего газового балончика.

Они покинули квартиру, закрыли за собой двери — Света сразу же отдала запасной комплект ключей Говорухину — спустились на изможденном людьми лифте и дошли до машины. Говорухин убрал чемоданы в багажник, потом, усевшись на переднее сидение, приказал заехать водителю в несколько мест.

Легковушка тронулась, Говорухин повернулся к приунывшим Свете и Боре, и попытался их подбодрить:

— Для вас это шанс, начать всё с чистого листа. Будто бы ничего, что тут произошло, не было.

— Семь лет твоего отсутствия — их тоже не было, Лёш?

— Не было. Как следов на песке.

— Они будут нас искать, Лёш? — озабоченно спросила Света

— Не будут, — сказал Говорухин, — сейчас не 90-е, довольствуются малой кровью. Кто первый под руку попадет, тот и...

— Твоей?

Говорухин моргнул и кивнул головой. Затем добавил: «Но я постараюсь им не попасться». Он широко улыбнулся:

— Лёша, не ври мне! Только не ври! — слёзно ответила Света, — не надо! Давай поедem назад! Обратно домой! Ты выбросишь эту дурацкую папку, и мы будем жить! Мамы нет! Не надо!

— Со мной ничего не случится..., - он посмотрел ей в глаза — обещаю,

Он повернулся к водителю, узнать долго ли им еще ехать. Тот ответил, что скоро. И действительно, довольно быстро они подъехали к банкомату, в котором Говорухин обналичил максимально возможную сумму. Потом они объехали еще пару аппаратов для выдачи наличности. Света спрятала деньги под одеждой в каком-то из чемоданов. Говорухин не обратил внимание в каком.

По радио передавали о том, что нынешняя климатическая катастрофа — самая сильная, с которой придется столкнуться Городу. Предупреждали о том, что стоит уехать на дачу или в деревню, чтобы переждать. Ведущие пытались скрыть свои панические настроения, но у них не очень-то получилось. Бархатный голос девушки, который многие бы сочли сексуальным, чуть-чуть подрагивал от волнения, когда анонсировал то, что к ним на радиостанцию завтра в это же время придет православный батюшка, с которым они обсудят сложившиеся проблемы. Видимо пружина натянулась чересчур сильно, и так просто её уже не отпустить.

Такси направилось к вокзалу. Поезд уходил через пару часов, а с учетом городских пробок можно было и не успеть. Они встряли где-то в центре, посреди каскадов приглушенных зданий эпохи модерна, неподалёку от огромного молла, сквозь который каждый день проходили тысячи людей, копошившихся в муравейнике. Машины стояли

несколькими рядами по четырехполосной дороге. Впереди гудели клаксоны, внизу вода лилась мелкой плоской речкой. Говорухин внезапно услышал стук со своей стороны. Он обернулся. За выдвижным стеклом был какой-то бомж, просивший мелочь с табличкой, упряжающей о грядущем конце света. О том, что языки пламени поглотят Город, а от выстрела Авроры кто-то проснется, кто принесет гибель и очищение. Говорухин показал ему средний палец, Бомж изменился в лице, стал красным, как ссадина, размахнулся и ударил по окошку. Никто не успел толком испугаться, когда Говорухин автомобильной дверцей оттолкнул бездомного. Тот упал на асфальт. В лицо ему струилась вода. Он попытался подняться, но Говорухин выскочил из машины и несколько раз пнул его поддых, как будто бы это был сломанный автомат с едой. Журналист убедился, что его противник не встанет в ближайшее время (он подумал, что где-то видел его уже, в каком-то дурацком шоу на ютуб) и запрыгнул на ближайшую припаркованную машину. Листовой металл, которым была покрыта крыша с характерным отзвуком, прогибалась под его весом. Он посмотрел вдаль — пробка скрывалась за горизонтом. Проспект представлял из себя заводской конвейер, по которому машины передвигались со скоростью сборки — такими же рывками поломанной видеокарты или заглоченного робота. Единственный вариант, чтобы добраться вовремя, пешком. Однако улицы были переполнены людьми. Их было больше, чем на любом митинге, на любой стачке, на любой демонстрации.

Говорухин спрыгнул на землю, сработала автомобильная сигнализация, однако он не стал обращать на неё внимание. Журналист открыл заднюю дверь. Перед ним была Света:

— Давай, выходим, пешком тут дойти проще, — отрезал Говорухин

— На тебе чемоданы, на мне Боря, — выпалила в ответ сестра

Алексей обратился к таксисту, тот стал возмущаться, перебиваемый гулом сигналки, дескать «не положено не довозить-то» на что Говорухин дал ему больше денег, чем было обещано за поездку, и попросил открыть багажник. Прибежал водитель буйного автомобиля. Говорухин указал на поверженного бомжа, как виновника конфуза. Автомобилист сорвался с цепи, его крик слился с воем сирены, он стал топтать бездомного, будто бы хотел затолкать жалкое тело глубже в асфальт. Всхлипывания перебивали шум. Говорухин не стал обращать внимание. Взяв чемоданы, он устремился вперед, расталкивая людей, расчищая путь для сестры с ребенком. Человеческая масса, двигавшаяся в обе стороны, поглощала в себя любого. Трудно было не потеряться в такой толпе людей, которая, казалось, только уплотнялась с каждым шагом, приближавшим их к вокзалу. Дошло до того, что пришлось протискиваться, а Говорухин пожалел о том, что давно не бывал в спортзале. Отталкивать всех — от стариков, до юношей и подростков. От интеллигентов, одетых в френчи, с зонтиками, до борзых ребят в спортивных костюмах. От одинаковых девушек чуть за двадцать, до поднаторевших в жизни полных калош, радостями в жизни которых была жирная пища, да пачка дешевых сигарет. Он оглянулся назад — Света и Боря еле за ним поспевали. Кто-то дал ему локтем по виску, он потерял координацию, буквально на секунду, и марионеткой навалился на людские туши. Быстро пришел в себя — голова чуть кружилась, но этот путь должен быть пройденным до конца. Говорухин работал корпусом, оттесняя одних, оттесняемый другими. Каждый шаг был будто борьбой, но не за место под солнцем, а за единственный оставшийся выход. Дышать становилось тяжелее — вот он и встрял, как желе или в живом студне, неспособный двигаться дальше. Ручьи холодной воды били по ногам, запах потной шерсти по носу. Нужно что-то придумать. Он посмотрел на Свету и Борю, сдавливаемых людьми. Бросил чемоданы, взглядом приказал схватиться за сына, как в

последний раз и закричал громко в небо: «БОМБА БЕГИТЕ».

Их понесло течением. В потоке людей они сошлись вместе и соединились в объятии, чтобы никто не смог их уронить, чтобы не быть самими затоптанными. Люди врезались друг в друга, ударялись друг об друга кто-то с размаху влетел в них, но они удержались. Толпа стала редеть, и отступать куда-то вперед к забитым пробками дорогам. Черт, деньги, чемоданы. Говорухин высвободился от рук, и рванул к саквоюжу, чтобы никто не успел его утащить. Он увидел, как кто-то схватил один из чемоданов и пытался убежать с ним вперед, пока какой-то проходимец пытался утащить другой. С разбега, всем телом, Говорухин протаранил его — тот завалился на землю, прижав чемодан, как родного ребёнка к груди. Журналист схватился за саквоюж и навалился прямо на него. С глухим стуком он ударился об лицо проходимца. Пока он не успел прийти в себя Говорухин вырвал чемодан из его рук и побежал за другим, на ходу расталкивая других. Саквоюж тяжелел в руке и замедлял его. Маячивший впереди человечек непонятной национальности в костюме адидас на ходу стал открывать ридикюль, чтобы посмотреть его содержимое. Говорухин сделал отчаянный рывок, чтобы догнать его, схватил чемодан в обе руки, прикрываясь им будто щитом, и тараном врезался в вора. Они оба упали. Говорухину показалось, что он отделался несколькими ссадинами. Чемодана из рук он не выпустил. Жулик повалился на землю к нему спиной и не двигался. Содержимое чемодана развеивалось по ветру на проспекте. Женское белье, штаны, футболки, куртка, денег не было. Воришка ожил. То ли цыган, то ли какой-то приезжий, он обернулся, с испуганным видом посмотрел в глаза Говорухину и тут же вскочил, исчезнув за толпой бегущих людей.

Говорухин с трудом поднялся. Пальто было мокрым, вода забралась в ботинки. Можно было простыть. Кто-то его толкнул, он снова чуть не упал, но сумел устоять. Да, главным в жизни было устоять. «Теперь можно давать мастер-классы по микс-файтам с участием подручных средств, — подумал журналист, — этого мне будет не хватать». Он подошел к распахнутому саквоюжу, осмотрел оставшееся содержимое — носки, домашняя футболка с принтом Советского союза, трикотажные штаны с заштопанной дыркой. Рядом валялись тюбики с дешевой косметикой, успевшие искупаться в дождевой воде, мыльно-рыльные принадлежности и разбитый фен. Хоть что-то. Говорухин скинул всё в чемодан и застегнул его. Затем облегченно похрамал назад, будто бы изможденным солдатом шел по полю боя. Толпа окончательно рассеялась, оставив за собой тела старушки в окровавленном платке, женщины средних лет с авоськой еды и пацана в модных кедах. Впереди лежал кто-то еще, Говорухин не мог отчетливо увидеть кто же, из-за угла доносилась сирена скорой. Шёл он, будто бы оглушенный. Света вместе с Борей стояли у входа — мальчик был хладнокровен, а его мама прижимала к груди и закрывала ему глаза. Люди начинали снова собираться и пересекать вокзальную площадь.

Говорухин подошел к ним, Света на него испуганно посмотрела, спросила как он и нужна ли помощь, он в ответ ухмыльнулся и сказал, что сам себя подлатает, как только он их посадит на уходящий поезд. Затем он кивком головы показал на дверь и почувствовал чью-то тяжелую руку на своем плече. Он обернулся. Перед ним стоял полицейский в синей форме цвета студенческого билета, постукивавший своей резиновой дубинкой по бедру. Властным тоном он начал дознавать, мол «Что с губой? Чего весь мокрый и в крови? Не знаешь, из-за кого тут давка произошла?»

У Говорухина засосало под ложечкой, он уставился вниз, разглядывая расстегнутую кобуру и каменную плитку под ногами, затем стал медленно выкручивать свою шею и

пролепетал: «Сфета, а фто эта за дядя? Дядя, а вы езьт фкатанкте? Сфета, Сфета, он фтс плахой?»

Сестра тут же подскочила, обняла его за шею и встала в защитную стойку, оградив Говорухина корпусом:

— Вы что это позволяете?! Пристаете к моему брату-калеке! Которому досталось в этой давке! — она слезно завопила, — что ж эта за полиция такая, что не может защитить! Да набрасывается на невиновных!

Полицейский немного поник, чтобы исправить свое положение он предложил их проводить до поезда, на что Света гордо отказала, а потом с той горечью, которой вызывают муки совести, прибавила: «Мы не гордые, нам не надо».

Говорухин смотрел на свое отражение в зеркале вокзального туалета — губа была разбита, под искривившимся носом была небольшая струйка крови, на затылке небольшая шишка, к тому ж еще плечо ныло, давненько он так не получал, с тех самых пор, когда на него пару лет назад накинудся фанат Игоря Талькова — хорошо, что у него было тогда пистолета, с сарказмом подумал Говорухин... а может и наоборот. Этот сумасшедший нес какую-то околесицу про то, что журналисту воздастся за его грязный язык, что за слова надо отвечать любой ценой, что он его убьет. В словах психов всегда есть крупица логики. Слава Богу, что его тогда скрутили охранники, потом приехали менты, оформили в отделение, а после звонка шефа редакции у этого психа еще и пакетик с веществами нашли. «Видимо, обдолбался и полез», — убеждал себя Говорухин, но что-то как-то не клеилось.

Он вспомнил, как проводил сестру и племянника на поезд. Пообещал им позвонить, как только всё закончится, и начать заново. Вот и она убеждала себя в том, что ему поверила. Им стоит начать другую жизнь, — считал журналист, а после поймал себя на мысли, что не может вспомнить ни цвета глаз своей сестры, ни матери.

На раковине была разложена аптечка — пластырь, немного бинта для повязки, спирт, чтобы обработать повреждения. Говорухин схватился за нос и с хрустом дернул его вперед. По телу накатило облегчение, какое бывает только тогда, когда кость встает на место. Он полил рану спиртом, наложил повязку на нос и заклеил её пластырем. Говорухин усмехнулся. Ему показалось, что он стал поход на героя из того старого фильма про частного сыщика, который весь хронометраж с такой же повязкой проходил.

Зато он мог вспомнить цвет глаз Бори — холодные, серые, как будто бы без присущей всем детям искры. Он-то точно всё понял — вот это страшно. На каждого из нас от них найдется зло пострашнее.

Он стал протирать губу, спирт обжигал лицо. Говорухин подумал о том, что к человеку в этом мире всё враждебно, даже окружающая материя, хотя человек человеку больший волк. Он мысленно воспроизвел один из недавно произошедших случаев, о которых ему довелось писать. Один парень, ровесник Алексея, убил другого за пачку сигарет. Все, конечно, были под синькой, а тот отказался стрелять, ну так он его и хрясь, а потом когда стрелка уже оттаскивали от жертвы, то он и увидел, что голова обладателя синего уинстона стала похожа на запекшийся сдутый футбольный мяч с волосами. А дальше протокол, а на вопрос Говорухина: «Ну вот зачем? За столбик человека жизни лишил», он удивленно ответил: «Ну а хули он сиги не стрелял?» Журналист понадеялся, что у Бори всё получится, обрабатывая набухшую на голове шишку. Испачканные в крови бинты упали в грязно-желтую раковину, Говорухин мыл руки, а вода окрасилась в багровый цвет. Он посмотрел на себя в зеркало, броуновское движение еще не началось, а он уже был побитый, уставший и отягощённый. В голове всплыла сцена с площади — останавливаться было поздно несколько часов назад.

Говорухин вышел из привокзального туалета, прошел сквозь широкую высокую, покрытую кафелем залу, заставленную лавками для ожидающих свой поезд людей, под гул разносящихся эхом шагов и скрылся в метро.

«На самом деле теперь не что написано, а когда и как. Мы живем в век победившего постмодернизма, на смену которому пришел пост-постмодернизм. И, как бы это ни было грустно или счастливо, это означает окончательную победу формы над содержанием. Неважно, как это написано, сколько отсылок и цитат оно в себя вмещает, как размывает пространство вымысла и реальности — важен лишь способ подачи. Со скоростью современной жизни человек всё чаще возвращается к своему естеству — к получению сигналов. Важна эмоция, которую он получает, и чем эта эмоция проще — тем популярней она расходуется. Современные СМИ морально устарели, потому что они не дают простоты этой эмоции. Чтобы выжить нужно приспособливаться и адаптироваться к новым условиям. Разделение на формации устарело. И интеллигент, и выходец среднего класса, и серый воротничок, и феминистка, и бизнес-вумен, и работница школьной столовой — все они любят мемы. Мем позволяет добиться наибольшего эмоционального отклика, провоцируя реакцию, как у Собаки Павлова. По сути только провокация вкупе с простотой поможет вам завоевать место в информационном пространстве. Слова занимают слишком много места и времени для их написания. Заметьте, что одна и та же заметка, переведенная с другого языка, может быть адаптирована на эмодзи куда быстрее, чем на родной язык. За эмодзи-журналистикой — будущее, ведь человек всегда бежал от своей комплексности, о чем нам может свидетельствовать история прогресса и облегчения жизненного уклада, ведь эта журналистика не будет иметь границ — она не споткнется об менталитет, она не споткнется об культурный код, потому что спотыкаться и не об что, для неё в общем-то и нет границ. Она отменит все. Содержание — мусор, главное — это то, какую эмоцию, какой отклик вызывает материал. А остальное — тьфу. Вы вообще представляете какие возможности для контроля...» — тут лектора, судя по прическе и бороде регулярного клиента барбершопа, одетого в хлопковую пастельную рубашку и белые брюки перебил Подрулин сбивчивой быстрой речью:

— Так, всё, заканчиваем с этим, пardonьте, пидорством. Город на ушах с этим потоком, а мы тут мастер-классы проводим. Всех переувольняю, пardonьте, к чертовой матери, карланы проклятые. Мне не нужны тут неучи! Мне нужны бойцы! — он взял паузу отдышаться, — надо делать новости, а не чесать языком, пardonьте, меж ягодиц! Это как вообще! За работу!

Сотрудники недоумевающе посмотрели на Подрулина. Включился лектор:

— Арсений Палыч, ну вы же сами попросили прочитать лекцию по повышению классификации по новому стандарту

— И что? Просил, а теперь не прошу! Давай проваливай! — Подрулин сделал несколько резких шагов бывалого сердечника ему навстречу, лектор отпрянул, взял со стула свое пальто и махнул рукой на прощание и буркнул: «не дай Бог, тебя приступ возьмет, кляча старая».

Редакция в полном своем составе осталась сидеть на местах, пока Подрулин не прикрикнул, топнув ногой. Журналисты разбежались по своим кубиклам. К главреду подбежал кто-то из подчиненных и спросил: «А брифинг-то будет?», на что тот ответил, мол «Вас я брал, чтоб этой чепухи с брифингами избежать! У каждого башка своя на плечах. Сейчас ЧП, самая горячая тема — сами разберетесь». Потом добавил: «И вызвони Говорухина с его отгула!»

А Говорухин в это время спал на квартире у сестры, укутанный в папку с уголовным делом, пока за стенкой шумел телевизор. Ему снился предбанник одного из конференц-румов, в которых ему приходилось когда-то бывать. Снаружи из доносились вспышки фотоаппаратов и глухие голоса журналистов, отзывавшие эхом по крылу офисного здания. Он, почему-то на автоматизме, уставился в пол, вытащил свой телефон и от скуки стал пролистывать старые переписки с тех пор, когда он был юн, когда он решил пойти в профессию, чтобы изменить мир. Написанные давным-давно слова давили на старые раны и приобретенные язвы — в отражении смартфона он увидел неуклюжего прыщавого пацана, сбежавшего из дома, чтобы изобличать пороки общества, быть трезвым голосом разума, неспособным сломаться и под давлением доменной печи. На лице проступили слезы, несколько соленых капель упало на кафельный пол. Похоже в этот раз другую жизнь начинать слишком поздно. Будущее было усеяно непроглядным мраком, становившимся еще гуще при всхлипах совести. Такое иногда бывало — раз в три месяца, иногда реже, иногда чаще. С совестью всегда удавалось найти губительный компромисс, дабы оттянуть всё до последнего момента. Мама всегда говорила, что «никто не должен видеть его слез», и вот он расхныкался в предбаннике от несправедливого порядка мира. Похоже, в этом и заключался порочный круг, в который попадали все те, кому не повезло родиться здесь. Делать то, что не нравится, накидываться в свободное время, бежать куда подальше от возложенного бремени. Только вот бежать уже не осталось сил, ровно как и терпеть. Говорухин утерся рукавом пиджака, подумал об известном однофамильце-режиссере — вряд ли он проживет столько же, скорее станет похожим на своего редактора — и забился в угол, поджав колени. Он ощутил, будто бы это уже с ним происходило, но он не мог вспомнить когда и зачем.

Из кармана Говорухин достал жвачку, из пиджака — блокнот и карандаш, чтобы отвлечься — записать идеи и вопросы для грядущих материалов, интервью и статей. Вместо этого рука сначала предательски вывела строчку из Дельфина, где он от лица всех просит прощения за слабость душ, а затем мироновский вопрос «Кем ты стал?», перечеркнутый восклицательными знаками.

Шум вспышек участился и усилился, стали слышны передвижения стульев, выставленных в зале, и уверенное «Спасибо», сказанное в адрес других журналистов. За дверью предбанника стали отчетливо угадываться приближающиеся шаги. Она распахнулась — первым вышел здоровенный охранник, напоминавший Гору из «Игры Престолов». Стрижка ёжиком, шрам на лице от осколочной гранаты, он внимательно вслушивался в то, что ему передавали по наушнику. Следом вошел мэр Долгоруков в приподнятом настроении, по пути избавляясь от душившего его галстука, порхая в своем деловом костюме, сидевшем если не с иголочки, то. Свиту замыкали два столба в официальной форме, переговаривавшиеся по радиосвязи.

Не осознавая до конца, на уровне рефлексов, Говорухин, забившись в угол, будто бы он уличный бездомный, укрывавшийся от жгучего мороза, откликнул мэра по имени. Тот обернулся, вместе со своими подданными, и услышал:

— Алексей Говорухин, «Передавица». Извините, Варлен Юрьич, могу я задать вопрос личный, не под запись? — лицо журналиста побледнело. Он отвел голову в сторону. Уйти без ответа нельзя. Неважно какой ценой.

— По-моему вы уже его задали, — дружелюбным тоном произнес мэр.

Говорухин нервно усмехнулся. Телохранители буравили его взглядом так, будто бы он был нудистом, ошибившемся пляжем.

— Попытка разрядить обстановку засчитана. Но нет. Я вот что хочу узнать: «Зачем это всё?»

— Зачем что? — переспросил мэр.

— Это! — недоуменно воскликнул Говорухин, — Вам что, не хватает хорошей еды? Места в жилплощади? Денег для достойной честной жизни?

Говорухин подскочил с насиженного угла, его глаза загорелись, как у ищейки, унюхавшей каннабис, и он, глядя мэру в глаза, недоумевая воскликнул: «Почему!? Сколько дорог можно было отремонтировать! Скольким детям помочь! Сколько школ открыть! Сколько больниц! У меня в голове не может это уложиться! Вам одному немного, а?»

Дверь стала отворяться. Кто-то просунул камеру в образовавшуюся щель, чтобы сделать снимок. Вместо щелчка фотоаппарата послышался резкий хлопок и хруст разбитого объектива — Говорухин пнул старую пластиковую дверь, ударившуюся об собственный косяк, и придавил её своим телом, чтобы никто не мог помешаться получению ответов.

Мэр отвел глаза в полоток, затем повернулся к одному из своих бойцов и нарочито громко спросил:

— Имя его запомнил?

— Говорухин, «Передавица», — ответил ему глухой и сиплый бас.

Затем мэр повернулся прямо к журналисту и медленно проговорил, поменявшись в лице:

— Нет, немного. Надо было бы больше — было бы больше.

Рукой он скомандовал охране уходить, проворчал что-то, аля «не надо останавливаться», оставив Говорухина удерживать проход. По лбу Алексея пошел пот, а глаза стали чуть более красными.

Подождав пока мэр с его свитой удаляться, он отчитал до трех и побежал так быстро, как будто соревновался против пикирующего орла. Несколько секунд и вот он уже скрывается за поворотом, слыша гул позади. Говорухин несется вперед, вот еще один поворот. Гул не утихает, наоборот только обостряется, давя на уши. Журналист бежит еще быстрее, да так, что жжет в икрах, не оглядываясь. Еще и еще. Снова поворот, и снова тот же тусклый обшарпанный коридор. Говорухин ускорился, будто бы перед финишем. Голова разрывается шумом наполненного футбольного стадиона. Поворот и перед ним распростилась бескрайняя тьма и величественный белый алтарь, на который падал свет. Издалека было видно, что на алтаре что-то барахталось. Говорухин резко остановился и чуть не упал. Затем медленным шагом, как можно меньше перебирая ногами, двинулся вперед, подталкиваемый неизвестной ему силой. Вот он уже оказался перед алтарем. На нем лежало тельце, но оно было более деформированным, что ли. И лицо выражало куда больше страдания и агонии, как если бы что-то жгло его изнутри. Тельце пульсировало. Говорухин попытался отвернуть взгляд, но увидел рядом мертвую девушку с глазами, вываливающимися от ужаса.

Он очнулся. Помассировал надбровные дуги, притронулся к носу и поежился. За окном гудел чей-то автомобиль, пока дождь стучал по крышам и водостокам. Дело близилось к ночи. Отопление на время отключили, поэтому Говорухин, завернутый в одеяло, дошел до кухни и поставил кипятиться чайник. Он вернулся обратно в гостиную и стал собирать

листочки, выпавшие из папки с делом. Перед тем как заснуть, он успел прочитать показания матери и других очевидцев. Вот тут было сказано, например, о том, что Вера любила группу Placebo, книги Булгакова (в особенности «Мастера и Маргариту»), хотела стать инстаграм-моделью и даже вела свой аккаунт с тысячей подписчиков. Говорухин пробовал его найти, но оказалось, что родители успели его удалить. Любопытно, как теперь складывается жизнь. Если тебя удаляют из сети, то тебя больше нет. У Говорухина самого были только рабочие аккаунты и ничего более. Как будто бы он всегда был выпавшим из жизни. Теперь всё было нараспашку, но есть фасад, а есть готовый к обороне арьергард, что за ним. «У словосочетания рабочий профиль появляются новые значения», — подумал Говорухин, переворачивая страницы дела. Надо же, кто-то всё-таки успел сделать скриншоты с аккаунта. Вот Вера с подругой позируют для кого-то, в руках у них по сигарете и по пиву, а фото намеренно состарено. Вот её утреннее селфи, она спрашивает у подписчиков какая косметика ей больше идет к лицу. Вот фото из ночного клуба, снабженное хэштэгами #улей #улейonelove #концерт #cashfest @cashfect1 и смайлом сердечка, вот она с Захаром, снимок сделан на переменах в школе, тут она уже хвастается новой прической, есть еще изображения, где она в «роковом образе» с яркой рубиновой помадой и какими-то модными вещами, где она показывает новую купленную книгу — переиздание «Вина из одуванчиков» Рэя Брэдбери. Говорухин посетил эффект «дежавю», будто бы он всё это уже где-то видел. И видел не одну сотню раз — и в сети, и на улице, менялись лишь очертания лиц, цвет глаз, да и если бы они менялись. Смерть даёт совершенно другой контекст. Если бы Лору Палмер убили бы сейчас, то она бы вела инстаграм. И он бы говорил куда больше, чем её дневник. По крайней мере об идеальной той, которой она хотела стать.

Хронология событий была простой — Вера поехала к Захару по его приглашению на День Рождения. В результате что-то пошло не так, скорее всего она напилась и заснула, а когда проснулась, то никого из гостей уже не было... Вернее нет, даже так, он её напоил. Она стала собираться, но он её не отпустил. Произошла ссора, и мы имеем, что имеем. В любом случае ответы на все вопросы может дать только малолетний душегуб. Чем бы дите не тешилось. Говорухин потихоньку набросал начала статьи на своем ноутбуке, телефон он заблаговременно выключил, из рабочих чатиков удалился. По его замыслу получалась некая трагедия об этом поколении вперемешку с освещением беспредела властимущих. Концовку он пока не продумал, но она определенно придет. Нужно еще глубже погрузиться в вопрос.

Из комнаты деда донесся хриплый стон, перебивший шум телевизора. Заслышав это, Говорухин вошел в дедовы покои. Из темного угла различилось что-то алая: «На, взгляни!»

Алексей посмотрел на экран телевизора. Там ведущий ток-шоу в черном костюме вынес в студию ведро с надписью: «Г**но» и поставил его рядом с гостем программы, а затем уверенно и дерзко сказал: «Вот надо всей страной нам, для вашего либерального брата скинуться на эти ведра! Да чтоб потом Родину не обсирали!»

Говорухин закатил глаза и устало улыбнулся

— Это всё?

— Ну ты посмотри! Посмотри! По телевизору дурного не скажут! Правда глаза колет, дерьмод! — под дедом заскрипел диван.

В это время ведущий обещал накормить сторону «против» дерьмом и призывал к тому, чтобы «всех этих петрушечников, демократов заставили хлебнуть фекалий по полной».

— Извини, мне надо делать свои либеральные дела: распинать младенцев, растлять детей, заражать женщин СПИДом и превращать молодых парней в гомосексуалистов, —

сострил Говорухин. Он вздохнул и сжал за спиной кулак.

— На кого только страну-то оставляем?! Сделали её великой, да вы все обосретесь, гниды несчастные! — со стоном прохрипел старик, когда Алексей уже собирался покинуть комнату. Он встал в дверном проеме и сквозь зубы процедил: «Подгузник менять тебе я больше не собираюсь»

— Да как ты посмел, отрок сучий! Где уважение к старости! Говорил я твоей матери аборт делать, нагуляла дура, не послушалась! — диван закрипел куда звонче, а речь деда была жесткой и отрывистой.

Говорухин оперся на дверной косяк, на рефлекс попытался размять переносицу, но вовремя отвел руку, затем в пару шагов оказался у дедовского дивана и уселся рядом. Он старика несло мочевиной и тем противным запахом, который можно встретить в общественном транспорте от пожилых людей. Говорухин взглянул на деда и поморщился — его лицо было покрыто морщинами и иссохшим, похожим на бересту — хоть сейчас бери чернила с пером и пиши прямо на нем, возражать никто не собирается.

— Мы — это то, какими вы нас сделали, Вы — это то, какими вас сделали, — Говорухин перешел на повышенные тона, — Посмотри вокруг себя — проебывать уже нечего. Всё вы уже проебали, и до вас уже всё проебали, сто лет назад с Распутиным, со знахарями и гадалками, обещавшими чудо — а сейчас просто делаете вид, что стадион, выеденный блохами и насекомыми — это «Глобус». А за ним всё — выжженное поле из страданий, детских слёз и нестерпимой боли. Погрязли в обмане, интригах, да нас такими же сделали. Везде подтырить, подпиздить, испортить, насрать — суки вы все, вот кто вы такие, и за новой вывеской вам не спрятаться. Хотя тут (Говорухин костяшками постучал по голове деда, тот пытался вывернуться, но у него не вышло) менять всё надо. А тут-то ничего и нет. Один сквозняк, даже памяти нет.

Алексей отвернулся от него. Телевизор издавал белые шумы, рядом раздавалось тяжелое стариковское дыхание.

— Лежи и доживай с этим, — спокойно кинул ему Говорухин.

Он вскочил с дивана и вышел из комнаты. На улице похолодало. Морозную дымку разрезал дождь. Рассвет нового дня надрывал упаковку пасмурного неба. Укутавшись в пальто, журналист ушел за придомовую территорию, куда-то туда, где был безжизненный пустырь, на котором задыхался неизвестный цветок. Ботинки вязли в грязи и мокрой глине, повязка и волосы вымокли, а капли дождя слезинками осели на одежде. Остановившись, Говорухин достал из-под пальто папку, взял её в одну руку, пока в другой держал зажигалку, пытаясь её поджечь. Бумаги вспыхнули быстро, тлея на легком ветру, разносивший пепел по пустырю. Когда жжение от огня стало нестерпимым, Говорухин бросил папку на землю. Она осела в грязи и глине. Пламя развеивалось маленьким победным стягом. Журналист смотрел на розовые тучи, думая о том, что очередная точка невозврата пройдена.

Зазвонил домофон. Говорухин подошел к двери и снял трубку:

— Доставка пиццы, — пробубнил чей-то голос, довольно глубокий и не сказать, что молодежавый. Журналист щелкнул по кнопке, прозвучал глухой, даже затухающий сигнал о том, что дверь внизу открылась. Он вышел на площадку. Тягостно зашумел лифт, будто бы коробка с пепперони была неподъемной тяжестью. Створки отворились, и перед ним предстал молодой долговязый парень с непропорциональной головой и прыщавым лицом, в общем, студент.

— Пепперони, — сумму он называть не стал, но протянул чек. Говорухин пальцами взял его и достал из кармана деньги. Затем доставщик протянул ему коробку и проговорил: «Спасибо за заказ. Надеюсь вы воспользуетесь нашими услугами еще», будто бы зачитывая приговор капитализму, а затем по-заговорчески перешел на шепот:

— Извините, — Говорухин принял очень заинтересованный вид, — а вы слышали о расследовании Перевалова, посвященного одному самому высокому городскому чиновнику, — фамилию мэра он назвать не решился.

Говорухин нарочито громко со спокойствием ответил: «Про Долгорукова что ль? Да, дворцы у него прекрасные, спору нет, только без вкуса всё сделано, как будто бы сельский троешник дорвался до денег и своего понятия «шика», а почему вас это интересует?»

Доставщик пиццы немного опешил и повысил тон, хотя голос его оставался всё равно тихим:

— Сейчас подождите, у меня тут, — он стал копаться в сумке, свисавшей с его плеча, — эти как их там... я их несколько штук раздам для членов семьи, если у вас есть... брошурки, точно — произнес он, протягивая несколько листовок Говорухину. Тот кивком показал на то, что его руки заняты стывшей едой. Доставщик нервно рассмеялся и сказал, что подержит пиццу в руках, пока Говорухин будет их осматривать. Буквально через секунду у журналиста в руках оказались листовки. На них был распечатан мужчина лет сорока в темном пиджаке менеджера среднего класса и в героическом профиле позирует на фоне серых многоэтажек, рядом белым по оранжевому было написано: «ПЕРЕВАЛОВ. НАЧНИ ВЫБИРАТЬ!».

— Вообще, на вашем месте я бы вместо шепота разработал шифр. Говорят, что по всему городу, в подъездах и парках, расставили жучки, а вы тут с брошурками, за которые по головке не погладят. Может, они уже сейчас нас слушают? — Говорухин пытался сдерживать смех и сохранить серьезное лицо, — записывают ваше имя в специальный блокнотик, чтобы потом на протестной акции задержать и вывезти в лесок. А поверьте мне, смотреть на темную еловую чашу из окон бобика — страшно. Сразу мурашки бегут, когда вспоминаю. А как же тогда быть? Вот у вас есть ответ?

— А как же тогда быть? — растерянно спросил студент, он сжался и казался уже меньшим, чем он был.

— А вот так, — журналист развел руками, — машину можете одолжить на денек?

Договорится с доставщиком после беседы оказалось достаточно легко. Сагитировал, получил энное количество наличности на карман — здорово проведенный день. Тем временем, Говорухин уплетал кусок остывшей пиццы, набирая номер Захара. Динамики телефона загудели. Под сердцем что-то ёкнуло, какое-то скомканное волнение, сжавшееся у основания реберной решетки. Из трубки раздался голос:

— Алло, — человек на другом конце говорил скучающе и выражал некую утомленность что ли.

— Захар Юрьевич, здравствуйте! — Говорухин разыгрывал не сколько энтузиазного работника ресторанов фастфуда, сколько видеоблогера. Еще немного и начал бы фальшивить сильнее, чем актёр деревенского ТЮЗа, — меня зовут Григорий, я представляю сеть пиццерий «РазиЕшь». Мы в Городе открылись только недавно (Говорухин добавил легкой манерности), поэтому мы, в качестве продвижения, проводили конкурс на доставку бесплатных пицц победителям. Так вышло, что вы оказались одним из них, Захар. Вы рады?!

— Бесплатная говорите? — голос ничуть не оживился.

— Да, бесплатная. Можете продиктовать ваш адрес, чтобы наш курьер к вам подъехал? — журналист прямо излучал приторность, эквивалентную воздействию урана.

— А какая пицца? — собеседник не пытался побороть скуку

— А какую вы хотите, Захар Юрьевич? — Говорухин обдал экспрессию. Еще чуть-чуть и он бы заговорил, будто бы домохозяйка, на досуге душащая котят и режущая внутреннюю сторону бедра.

— У вас нет в меню блюда... — он зевнул, — «Филофалло»

— Это переводится примерно, как «отсосите»? — спросил Говорухин,

— Угу, я тоже решил поиграть в каламбуры.

Воцарилось молчание:

— Что ж вы пиццы не хотите, Захар Юрьевич? — весело произнес Говорухин, затем как бы невзначай добавил, — угостили бы свою подругу Веру, своих лакеев, быть может, и отцу бы достался кусочек под конец тяжелого рабочего дня.

Собеседник на том конце трубки поник, скучающий его голос огрубел: «Ну приезжай... если холодную привезешь — убью».

Говорухин ехал по Копейкино-Матфеевому шоссе, находясь за рулем автомобиля службы доставки. Машина была упрямой, с трудом заходила в повороты, поэтому он старался вести ее медленно по размытой дождем дороге. За последние сутки осадки только усилились — канавы и стоки переполнились. Журналист поднял стекло и включил вентилятор — снаружи несло дерьмом и нечистотами. Алексей нервничал, и его это слегка ввело ступор. Как так, он же думал, что давно разучился. Тарабаня пальцами по приборной доске, он включил радио. Заиграл джингл «Гласа Народа», станции, на которой обычно выступали люди либерального круга общества. В эфире на сей раз почему-то присутствовал батюшка Илиодор. Он нес что-то про второе пришествие, что-то про грешников, из-за которых случилась аномалия, звал случайных людей на молитву — непосредственно ею и исключительно ею можно было отстоять Город от зловещих сил. Затем он стал красочно описывать вкус плоти и крови Христовой, потом почему-то пожаловался на нравы современной молодежи, назвав их нехристями, вспомнил о подростках из Ладьялы, покончивших с собой, — батюшка по-деловому начал сокрушаться об их отпевании, проведенном каким-то священником, — обвинил во всех бедах разрыв человека с церковью и природой, убивался, дескать никто не внял его предупреждениям. Опосля Илиодор попросил ведущую вместе с ним прочитать молитву. Та согласилась. Из динамика стал доноситься хриплый бас, зачитывавший «Отче Наш». За ним следовал повторявший молитву женский голос с тем бархатом, с коим на ухо шепчутся пошлости. На строчке «Да придет царствие твое» Говорухин переключил станцию.

— А теперь классическая песня «золотой эпохи Нашей рок-музыки». Группа ДДТ — Это всё — энергично протарабанила ведущая.

«Побледневшие листья дождя

Зарастают прозрачной водой.

У воды нет ни смерти, ни дна...

Я прощаюсь с тобой».

Тоскливый баритон Шевчука под минорные аккорды акустической гитары показался идеальным аккомпанементом поездки, заглушавший ритмичный скрип дворников. Говорухин оглядывал происходящее вокруг и выдавливал кривую улыбку. Обитатели Копейкино-Матфеево в панике собирали вещи, чтобы переждать потоп в других, более теплых местах, — там, где им еще не плевали в спину, где им не надо было укрываться от повальной бедности, где их еще не знали. Чемоданы были вымокшие, брошенные на дорогу, вместе с клетками, забитыми животными — декоративными собачками, сфинксами. На обочине даже стоял вольер с крокодилом, уныло смотревшим вдаль, а над ним мягкие игрушки. Для окончательной сюрреалистичности происходящего не хватало только аккордеона и старухи Шапокляк, танцующей древний языческий танец по вызову дождя.

Хоть это и было бедствие, но почему-то у обитателей Копейкино-Матфеево были скорбные мины. Будто бы ливень был эхом похорон, но вот чьих? И были ли они вообще? Даже прайват джеты, даже Камеди Клуб, даже третий куплет Шевчука (!) не смогли бы их утешить. Всё расклеивалось бумажным домиком, на который нечаянно упал стакан воды.

«Мне свою дорогу нести,

До свидания, друг, и прощай», — Говорухин подумал о том, что ему уже больше не с

кем прощаться.

Дворец Долгорукова показался издали. Это было внушительное двухэтажное здание где-то в сердце земельного участка в один гектар. Как узнал потом Говорухин, на данной территории когда-то проходило одно из самых кровопролитных сражений Отечественной Войны, после которого Армия Наполеона пустилась в бегство. Теперь же там располагался сам дворец, выполненный в модернистском стиле, общежитие для постоянных сотрудников, охранный пост, гостевой домик, напоминавший старинную избу, банный комплекс, включавший в себя спортзал, парилку и бассейн, отдельный генератор, гараж и фудкорт, где разместились закусовые известных брендов общепита. Всё это пряталось за высоким забором. С разгулом преступности и вольнодумства Долгоруков старший раздумывал над тем, чтобы электризовать ограду, но не знал, где взять еще больше денег.

Говорухин подъехал к воротам с острыми шпильями, во времена того же Наполеона на таких штуках оказывались привилегированные члены общества. Стало даже жутко. Он вспомнил задержанного одного из городских УВД, выпавшего из окна на подобные шипы, и опустил стекло. К нему подошел охранник, собранный, накаченный, в вымокшем под голубым дождевиком костюме. Речь его была отрывистая, командирская, будто бы каждое слово, исходящее из его рта, было трёхэтажными ругательствами. Говорухин припомнил совет, данный Дельфином еще лет двадцать назад, — слать таких людей по направлению половых органов.

— Цель приезда?

— Пиццу привез Захару Юрьевичу.

— А удостоверение где? Чего-то ты не похож на доставщика, — охранник постучал дубинкой по корпусу машины.

— А ты похож на клоуна, но я же молчу, — страж порядка вскипел и схватил Говорухина за шиворот, вытаскивая того из окна.

— Чё ты сказал?!

— Боссу своему позвони, он меня ждёт, — Говорухин буравил его взглядом, но на выражение на его лице не изменилось — томное, тоскливое.

Охранник отпустил его, прошел на КПП, и вышел через пару минут вместе с открывающимися воротами.

Говорухин проехал вперед по гладкой дороге, несравнимой с той, по которой он добирался сюда, окруженной зелеными насаждениями и зеленым газоном. Правда, потоп всё расставил по местам, и если он когда-то кончится, то все эти ландшафтные решения придется перекраивать. Перед ним предстал величественный дворец, по-другому эту постройку нельзя было назвать. Даже по меркам Рокфеллеров, Хилтонов, масонов и всего сионистского заговора это было роскошно, ровно как и безвкусно. Человек, который заказывал дизайн-документ у архитектора, а потом его согласовал, должно быть вырос в бедности — отсюда и комплексы, и показная роскошь, и бытовое тщеславие. Припарковавшись у дома, Говорухин вышел из автомобиля и постучал в дверь. С минуту он простоял под дождем прежде чем навалиться на неё и отворить. Экий признак старины.

В прихожей никого не было. Говорухин решил осмотреться, пока отмокал, оставляя слякоть на дорогом мраморе. Содержание соответствовало форме — судя по атрибутам, хозяева дома мнили себя наследниками дворянских традиций. Показалось, что он по ошибке

зашел в дешевую фотостудию. Перед ним висело два огромных портрета — Долгоруков старший и его жена. Изображение мэра по манере исполнения напоминало знаменитый багратионовский, тем более что градоначальник был изображен в генеральском, отчасти пижонском кителе в халеной палитре цветов. Портрет жены же был выполнен в более современном стиле — нарочитое отсутствие отсылок к истории, просто блондинка в черном вечернем приталенном платье с фигурой подростка. Как казалось Говорухину, на фотографиях в Интернете она выглядела, за неимением более вежливого слова, пышнее. Под картинами дотлевало содержимое камина.

Никого не было, чтобы его встретить, дождь барабанил по крыше. Предположив, что комнаты Долгоруковых младших находились на втором этаже, Говорухин поднялся по спиралевидной лестнице. Вообще, прихожая была не очень-то эргономичной, рассчитанной на светский раут.

Не зная куда идти, журналист потянулся за диктофоном в карман, убедился, что он включен, и продолжил исследовать дом. В коридоре, на втором этаже, соединявшем несколько жилых комнат, он открыл первую попавшуюся ему дверь...

За ней оказалось серое, аскетичное, закрытое от внешнего мира занавесками помещение с железной койкой, приваренным к паркетному полу стулом и компьютером. Посередине был мальчик в майке-матроске и спортивных штанах. Он сидел на корточках и возился с алюминиевой ложкой. Говорухин окликнул его и со всей оставшейся в нем доброжелательности спросил, где комната Захара. Тот обернулся и в ответ начал на него кричать ломающимся детским голосом:

«КАК ПРАВИЛЬНО В ХАТУ ЗАХОДИТЬ НАХУЙ? Я ТУТ СМОТЯЩИЙ, ФР ЗАЛЕТНЫЙ БЛЯДЬ ОПУЩУ ТЕБЯ НАХУЙ ПРЯМО ТУТ ЕБАНА В РОТ», а затем рвану него с ложкой на голо. Говорухин успел закрыться локтем и почувствовал острую боль от пореза, затем смог схватить пацаненка за руку, поднять его за шкурку и кинуть обратно в комнату. Тот приземлился на паркет, проехался по нему всем телом и врезался затылком в стул. Пока ребёнок тер полученную шишку, журналист закрыл дверь и забаррикадировал её близлежащим стулом. Ошарашенный он забыл про пораненную руку, немного постоял и решил попытать счастье со следующей комнатой.

Постучавшись и не дождавшись ответа, он легонько приоткрыл дверь, и в образовавшейся щели он разглядел розовые стены, большой трельяж, смахивающий на антикварный, заставленный женской косметикой, книжные полки, на которых стояли труды разного рода блогеров, наряду со сборниками сетевых поэтов и современными попсовыми книгами, так ненавидимыми почитателями дела Ильи Кормильцева. Говорухин толкнул дверь еще, щель расширилась, и он смог рассмотреть совершенно пустой стол, на котором не было ничего, кроме макбука, и кровать на которой делала селфи молодая девушка в наушниках. Журналист обратил внимания не на её стройные бёдра, и не на бронзовую кожу от солярия, и не на тонкую фигуру, и не на дорогой ливчик, а то, что между её ног, закрывая зону бикини, располагалась развернутая обложкой к камере «1984». Она пыталась найти удачное положение для задуманной позы, но у нее это не очень-то выходило. Осторожно, Говорухин прикрыл дверь за собой. «В этой семейке столько сюрпризов, сколько в женском монастыре. Какая ирония».

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Он заметил, что запачкал коридор собственной кровью. Ему, правда, показалось, что кровь была не его, а чужая, чуждая ему, фальшивая... И что пропитавшийся жидкостью рукав

черного шерстяного пальто напоминал мягкую игрушку, выброшенную в лужу — одно хорошо, после того, как всё закончится, не придется новое пальто покупать... «Мда, кто о чём, а человек о материальных ценностях. Пошлость, звенящая пошлость... о душе бы побеспокоиться» — Говорухин усмехнулся и оперся на стену. Тело его ныло, и мысли с чего-то вдруг начали путаться, то ли от нехватки сна, то ли от накотившей усталости. Он уставился на потолок — ясно голубой, будто бы небо в погожий летний денек, когда люди выбираются за город и тонут в семейных склоках в огороде.

— Знаете, мой отец любит повторять, — Говорухин обернулся и увидел перед собой худого высокого молодого парня, грызшего яблоко, — ща... одо...ждите...дагхрызу, — молодой человек вытянул ладонь вперед, а сам слегка наклонился, чтобы не запачкаться сладким яблочным соком, капавшим на пол. И чавкал он громко, даже намеренно.

— Так вот, — он отряхнулся, — он говорил: «Мы — тут имеется ввиду вся наша семья — как у Христа за пазухой», он достаточно верующий человек, а я не понимаю, как можно так быстро было стать верующим, когда у тебя в комнате хранятся пионерские и комсомольские значки в такой красной тряпке, а он даже небольшую часовенку неподалеку выстроил, и при ней священник с попадьей, стали вот недавно каждый день у нас обедать... не, не, не, яства вкушать, ну вот я и пошутил: «А как в пазухе Христа помещаются купола?». Он тогда встал из-за стола, подошел ко мне прям так — позой своего тела он показывал, что вплотную — и дал мне пощечину. Закричал, что «Незя так на атца нашеГо сетовать, и гневить его!» — молодой человек передразнивал Долгорукова старшего. — старый тупица... надо бы поскорее устроить его кончину, но сейчас пока рановато... — подытожил он свои рассуждения вслух.

Тем временем Говорухин натянул свою лучшую маску «доброжелательного слушателя», и спросил: «Захар Варленович, я полагаю?»

— А кто спрашивает, а? Голос из телефона? — улыбнулся Долгоруков-младший.

— Григорий Ребров, «Окно Европы», — соврал Говорухин;

— хм... Ребров значит, — насупился Захар, как раз в таких действиях проглядывается наследственность, — а что с вами? Печально выглядите, будто одной ногой уже в могиле.

— Ну знаете, Захар Варленович, работа выматывающая, нервная, один год за три, капиталисты ездят на нас, как на лошадях, — Говорухин попытался заговорить юноше зубы, но по его легкой саркастичной улыбке не мог понять, удалось ли ему это. На момент он опустил глаза в пол, а и потом снова поднял их, внимательно разглядывая юношу. Тот был одет в стиле кэжуал, популярном у молодежи — черный низ, белый верх. В футболку с монохромным рисунком раскрытого ножа-бабочки, переходящего в цветок. Из-за широкого выреза на его груди была видна часть татуировки — ядовито-красный бутон розы. Низ же ничем не выделялся, кроме кожаных кед едко-розового цвета.

— Нет, не знаю, просветите меня... пожалуйста, — лицо юноши было удивительно сухим. Это касалось не только кожи, но и его черт — прямой нос, выпирающие скулы, лоб, которым можно проламывать стены. И глаза, в которых таилась та же угроза, что и в слове «пожалуйста». Говорухин подумал о том, что Захар Варленович совершенно не похож на своего отца, и что он начинает наскучивать своему собеседнику.

Журналист поднял руку, указывая на окровавленное предплечье, и ответил: «С удовольствием, только вот окажите первую помощь?»

— Конечно, — Долгоруков младший выдавил из себя улыбку и, развернувшись боком, жестом пригласил к себе в комнату. На спине его футболки зияла надпись: «От меня не

убежишь».

Если чего и ожидал увидеть Говорухин, то это распятых животных, книги в переплетах из человеческой кожи, возвращённого гомункула (кто знает, пару лет назад по этой теме все страны бывшего союза слетели с катушек) и кружку цикория. Однако перед ним предстала комната обычного подростка, ну как обычного — подростка, живущего по огромным средствам своих родителей. Журналист силился найти странность, с которой были бы расставлены предметы быта и мебели — кровать, поставленная у окна так, чтобы утренний свет падал на неё. Около нее была маленькая тумбочка, на которой стояла вращающаяся LED-лампа, выжигавшая помещение тусклым пурпурным неонам. На противоположной окну стене висел очень дорогой телевизор, с подключенной к нему приставкой. У телека два черных мешковатых пуфика, напоминавших пакеты с мусором, и кальян с затухшими углями. В самом углу, там, куда не пробивался дневной свет стоял письменный стол с компьютером, книжной полкой и дорогим геймерским креслом на колесиках, что обтекает спину. Остальное место занимал шкаф с вещами (Говорухин даже не хотел знать о его содержимом) и wi-fi принтер.

Долгоруков младший развалился на пуфиках, потом долго ковырялся в карманах, пока не вытащил что-то напоминающее брелок от ключей для автомобиля. Вытащив его, он демонстративно поднял руку и два раза щелкнул по кнопке.

«Горничная», — объяснил он и улыбнулся.

Говорухин присел на стул, подобрав ноги и придерживая предплечье. Долгоруков младший тем временем сделал еще один широкий жест и показал на телевизор. На его экране жизнерадостно танцевал мультяшный боец из Fortnite. Он прыгал с одной прямой ноги на другую, придерживая пах. Рядом с ним отображалась огромная надпись большими буквами: «YOU WIN». Под надписью отображалась статистика — оказывается, Долгоруков младший аннигилировал половину игроков на этом сервере, чем не преминул похвастаться.

— Отличное достижение для человека только вступающего во взрослую жизнь, — ответил Говорухин, и ему показалось, что Долгоруков младший не понял сарказма, хотя черт его разберет, если честно.

— Главное, не терять остроумия, когда кончится взрослая, — посмеялся Долгоруков младший.

В комнату вошла женщина чужестранного происхождения. Худая, в форме горничной, с нацепленным ошейником, она подрагивала. Как показалось Говорухину, от страха.

— Даарагуша, принеси, пожалуйста, аптечку и помоги залатать этому человеку его раны, — игриво произнес подросток, — и побыстрей! — тут он щелкнул оказавшимся у него в ладони брелком. Горничная содрогнулась от боли, пронзившей всё её тело, и она вывалилась в коридор.

— Электроошейник, — Долгоруков младший вертел брелок и пристально его рассматривал, говоря в пробор, — видел в паре видосов у блогеров. Представляете, эти долбоебы хуярят друг друга током, чтобы над ними посмеялись. Никогда не понимал удовлетворения от взаимных унижений. Куда проще, изящней и правдивей мне кажутся отношения, когда один доминирует над другим. Сильный над слабым, если быть точнее, но да меня чересчур занесло — он особенно довольствовался своим монологом, улыбаясь, как чеширский кот, выкуривший косяк марихуаны.

— Так что же вам нужно? Это шантаж? Деньги нужны? Люди примитивнейшие существа, вы не находите? — засыпал его вопросами Долгоруков младший, — всегда всё

сводится к деньгам.

— Нет, — Говорухин усмехнулся, — всё сводится к власти, Захар Варленович. Прибить, унижить, доминировать. Шантаж — это... — он пытался подобрать что-то банальное, — тускло и скучно, несовместимое с теми скоростями жизни, в которых мы живем.

Журналист достал блокнот, пролистал его до нужной ему страницы и продолжил:

— Я тут провел небольшое исследование. Оказывается, что ваш цифровой капитал не так велик, как я думал, и как вам, наверное, хочется думать. Около тысячи подписчиков в инстаграмме, сотня фолловеров в твиттере. В масштабе вашей личности и того, что вы можете оказаться олицетворением нового поколения, идущего на смену всем этим тщедушным, лицемерным, трусливым, тщеславным и, только между нами, пиздявым миллениалам, устраивающим истерику по поводу и без (например, если их кофе недостаточно горячий), ваш цифровой след удручает. Для человека вашего статуса у вас нет достаточно власти в сети. Очевидно, что сейчас, с учетом вашего положения, у вас найдется время для интервью. И оно, надеюсь, поможет вам совершить желанный толчок, — Говорухин сделал небольшую паузу, но Долгоруков младший её перебил:

— Какой траффик?

— 10 миллионов уникалов в месяц.

— Конверсия?

— Миллион...

— Не, ну если бы было два, то можно было бы поговорить;

— Захар Варленович, уж поверьте моему журналистскому чутью, ваше интервью обязательно станет хитом. Ну так что, вы согласны?

— Не, а вот сейчас серьезно, — Долгоруков младший был странно возбужден и чуть ли не душился от смеха, — то, что я сделал, это ведь самая отвратительная вещь, которую вы видели в своей жизни?! Вы вообще видели смерть в своей жизни!?

— Ну, — Говорухин задумался, — я видел достаточно на две жизни вперед...

— Достаточно, да камон, мон ами, ты же пиздишь, думаешь я всяким пиздаболам буду интервью давать?! У нас, может, репутация в обществе не ценится, но я-то ей дорожу! Как говорится у нас в семье: «Береги честь смолоду, а продажная журнашлюха, чтобы о тебе написать, всегда найдется».

— Раз вы так хотите, то я могу перечислить пару мерзостей... — Говорухин вздохнул, — я видел труп гея, повешенного на дереве, в чей рот засунули его отрезанную мошонку, я видел ведро перемолотой человечины, пара алкашей так от трупа собутыльника хотела избавиться, я видел раздутых утопленников и обгоревших жертв пожаров, я видел, как из бездыханной девушки достают мертвый плод, так что, — Алексей стиснул зубы, — я не какой-нибудь вам ютуб-блогер, составляющий топы жесткача.

— Вы так и не ответили на мой вопрос, — Долгоруков младший пытался сойти утрашающим,

— Нет, это не самая отвратительная вещь, виденная мною в жизни. В следующий раз вам придется проявить больше фантазии, — хладнокровно отрезал Говорухин, хотя внутри у него всё сжималось и было готово выплеснуться в любой момент.

— Как-нибудь я вас обязательно удивлю, Григорий... не знаю вашего отчества, — ответил Долгоруков младший, на момент его лицо осветилось красным свечением от лампы,

— Юрьевич, но мы отвлеклись, не возражаете, если я начну задавать вопросы?

— Конечно, — он выдавил хищную улыбку,

— Итак, можете поведать о том, что случилось в тот день?

— Значит у меня был день рождения, родители решили уехать в какой-то из наших загородных домов, а их несколько, чтобы вы все тихо охуевали от того, на что идут ваши налоги, и не выебывались, праздник, пати, все дела, и я стал ждать распаковки своего подарка... Вера была... за неимением лучшего слова... биомусором, такие пытаются всё время найти себе мужика побогаче, сделать сиськи, родить ребёнка, чтобы привязать мужика к себе, будущая овуляшка короч. Да бля, таких не жалко вообще... хотя если подумать, мне вообще никого не жалко. И тут она за пару дней до этого присылает фотку теста с двумя полосками с претензиями типа: «Нам надо поговорить». А мы не общались где-то два месяца, ссора, все дела. Эта идиотка только цену пыталась себе набить. Ниibaца нравственная девственница, Мария, блядь, Магдалена. Тогда я и понял, что нужно действовать. Приготовил ножи, приготовил спальню, придумал ту чепуху, которую ей успешно навешал. Результат был на белье и на стенах. От одной мысли, что она мучительно умирала, пока внизу пьяная толпа ублюдков тусовалась и распевала песни ебаного Cashfesta у меня... ну это словами не описать! Это уже не просто убийство, а целый, блядь перформанс! МОЛОДЕЖЬ УБИВАЕТСЯ НА ВПИСКАХ! СМОТРЕТЬ ОНЛАЙН РЕГИСТРАЦИИ ЭТО ВСЁ ИХ ИНТЕРНЕТЫ!

— Странно, в отчете не было упоминаний о беременности...

— Дядя, кто пишет эти отчеты? Камон! Вы вроде взрослый человек, а переспрашиваете

очевидные вещи. Я с вами, как с равным, а вы...

— Спасибо за оказанную честь, тогда ответьте, пожалуйста, на вопрос, я видел снимки с места преступления, и на них точно была не эта комната.

— Да, это спальня родителей.

— Почему вы сделали это там?

— Мне было важно овладеть ею на родительском ложе... Эта кровать сколько повидала, кастинг-коучи в сравнении с ней, — просто заводская мебель, только вышедшая из производства, — он засмеялся, — а дальше, она расслабилась и это было... делом техники. Видели бы вы ебальники моих родителей, когда они приехали! Очень смешно, ей Богу! Кучка мусоров, и они растерянные!

— Как к этому отнеслась «пьяная толпа ублюдков»? — в вопросе Говорухина звучал вызов. Он старался сохранить свое лицо каменным или даже немного скучающим, но выходило, как выходило.

— Ну... сначала они тоже растерялись, но потом начали типа: «Да, правильно ты эту суку завалил». Кучка мелких, мерзких трусов и жополизов! Ах, вся гниль человеческая в них собралась!

— Что с родителями Веры? Их показаний в деле почему-то не оказалось?

— Григорий Юрьевич, вы наверняка не знали, но оказывается у смерти ребёнка, родной кровинушки, тоже есть цена. Исчисляется она в рублях, хотя на их месте я бы взял поездками в метро.

— Сколько?

— Не помню, — он мечтально рассматривал потолок, переливавшийся в разных цветах, — на кругую иномарку хватит... Или на то, чтобы отправить оставшихся детей в университет. Кто знает, может, они не умрут раньше положенного?

— Что вы собираетесь делать дальше?

— Отче мой собирался меня летом отправить на острова, в какой-то Универ, где учился принц Гарри, а там, наверное, покуражиться не дадут. Хотя... если сойти за мигранта или политического заключенного... или гея, принявшего ислам, то... Но я еще повеселюсь, помяните моё слово.

— Ну Слава Богу, что ваше талантливое поколение едет учиться зарубеж, дабы вернувшись помогать стране, — съязвил Говорухин, нервы у него были размотаны, а рука, хоть её и замотали, всё равно ныла.

— Это был сарказм, господин Ребров, я к вам по-отечески, а вы, сука, язвите, — возмутился Долгоруков младший.

— Это была радость за отечество, Захар Варленович.

— Радоваться вы будете только наблюдая за всем с небес, это я тебе могу обещать, — мимолетно заметил Захар, будто бы мелочная обида была забыта.

Он начал копаться в своем смартфоне, не обращая на Говорухина внимания, как будто в том, им занятом кресле, была пустота.

— Извините, Захар Варленович, делать селфи с вами я не собираюсь.

Он только промолчал в ответ. Резкий звук заставил отдернуться журналиста. За его спиной разогревался принтер. С рубленным шуршанием, похожим на звук заводского аппарата, перемалывающего человеческие кости, из него стали вылупляться напечатанные снимки. На них Долгоруков младший позировал с трупом бедной Веры. На одной из фотографий он прикрывал лицо её бледной рукой, на другой, делал селфи с её лицом,

застывшим в маске ужаса. На третьей он саркастично щупал пульс. Говорухину стало не по себе, и он, бросив снимки на пол, сказал: «Достаточно, спасибо за беседу, но мне уже пора идти».

— Вы уже уходите?! — вспыхнул Долгоруков младший, он напоминал ребёнка, у которого отбирают его игрушку, — я думал, что вы захотите посмотреть на телефон.

Говорухин остановился у дверного косяка, и обернулся:

— Какой телефон?

— Ну её. Чей же ещё? Она с ним никогда не расставалась, — он выдержал драматическую паузу, — можно сказать, что в нём была вся её жизнь.

Говорухин стал нервно покусывать губы, затем быстро окинул комнату ещё одним взглядом и ответил: «Почему бы нет, извольте его тогда показать, если вас это не затруднит».

Долгоруков младший полез в шкаф, из-за открытых дверок журналисту не удалось рассмотреть его содержимое, достал оттуда маленькую аккуратную коробочку, уже из неё вытащил девайс и положил его на стол. Говорухин продолжил стоять в проходе.

— Айфон, — классический выбор ТП, — он неловко улыбнулся.

— Он заряжен?

— Да, конечно, подойдите сами посмотрите...

Говорухин сделал несколько шагов ко столу и накрыл телефон своей ладонью. «Хоть так тебя обезопасили», отвлекся журналист. Сперва он услышал глухой удар кулака об плоть и только потом почувствовал острую боль, раздавшуюся по всему телу. Карманный нож торчал из его кисти, острие прошло штыком сквозь мясо, кости и пластик, застряв в столе. Долгоруков младший схватил Говорухина за грудки. У того начала кружиться голова, косились ноги и тело предательски отказывало от острейшей боли, кою ему никогда не приходилось испытывать. Его ломало и трясло, а в ушах засел предательский голос юного садиста:

— ГДЕ ДИКТАФОН СУКА!? ГДЕ ОН, ВЫБЛЯДОК?! ГДЕ!? Я ХОЧУ ЧТОБЫ ВСЕ Э СЛЫШАЛИ БЛЯДЬ Я ОБОЖАЮ УБИВАТЬ И Я СДЕЛАЮ ЭТО СНОВА И СНОВА СНОВА А ВЫ ВСЁ ЭТО ЗАГЛОДИТЕ ПИДОРАСЫ ПОТОМУ ЧТО ВЫ НЕЛЮДИ БЛЯ ВЫ БАРАНЫ! ВАС ЕБАЛИ И БУДУТ ЕБАТЬ! И Я БУДУ СУКА В ПЕРВЫХ РЯДАХ СДЕЛАЮ ИЗ ЭТОГО КУЛЬТ! ЭТО БУДЕТ НОВОЙ МОДОЙ! ЕЩЕ ВЧЕРА ВАШИ ДЕ ДЕЛАЛИ ЕБУЧИЕ ПОДВОРОТЫ А ЗАВТРА ОНИ ВАМ ГЛОТКИ ПЕРЕГРЫЗУТ ПО МЕНЯ СУКА! ТЕБЕ ПИЗДЕЦ! ВАМ ВСЕМ ПИЗДЕЦ!

Долгоруков младший с размаху ударил Говорухина по лицу и тот грохнулся, как мешок с картошкой, на пуфики. По скуле потекла кровь — ему рассекли бровь. Пытаясь быстро сообразить он схватил нож за рукоять, это доставило ему ещё большую боль, он сорвался на крик и вырвал орудие из кисти. Телефон вместе с ножом громко рухнули на пол. Обессиленный, Говорухин рухнул животом на них. Бросив взгляд на проход, он быстро засеменял локтями к ещё открытой двери, но почувствовал, что его схватили за ногу. Долгоруков стал оттащить его назад. Паркет закрипел, Говорухин цеплялся руками за пол, оставляя кровавый след, и в конце концов сдался. Долгоруков младший удовлетворенно потер руки, взял его за рукав пальто и начал переворачивать на спину, чтобы закончить начатое. Он присел на колени, схватил его за подборок, посмотрел на закрытые веки и дал пощечину. Говорухин лежал без чувств. Тогда Долгоруков младший положил свои руки ему на шею и начал их сжимать. Следующим, что он почувствовал, стал холод лезвия у ярёмной

вены.

— От-пу-сти-иначе-твой...пульс-буд-ет-на-полу, — с трудом прохрипела жертва; Захар ослабил хватку.

— Теперь...поднимайся...медленно, — кажется Говорухину никогда прежде не приходилось прикладывать столько усилий, чтобы говорить;

Долгоруков младший подчинился, а журналист резко попятился назад, пока не врезался в стену. Опираясь на неё спиной, он поднялся, держа нож в вытянутой руке. Долгоруков младший стоял не колохнувшись. Отдышавшись, Говорухин с оставшейся твердостью произнес: «Я...заберу...её телефон...Руки за спину». Долгоруков младший послушался и стал смиренно улыбаться:

— Тебе это так просто с рук не сойдет, ой, — он засмеялся, — ты труп. Я дам бомжам насиловать твоё холодное тело на теплотрассе — он сиял от радостного возбуждения;

— О... так вот как твои мама и папа познакомились, — вместе с последним словом сорвался стон, и Говорухин тяжело наклонился вперед, чтобы поднять разбитый девайс. Черт, ну и какой же рукой его поднять? Кисть его не слушалась. У него кружилась голова, и гравитация так и подначивала его упасть. Он изо всех сил напрягся

— Надо же, кто стал откалывать шуточки!

— Я начал, а ты закончишь, — на силу Говорухин сжал непослушную кисть, и убрал телефон в карман джинсов. Поднявшись, он смутно почувствовал тепло разливавшееся струйками по бедру, и оперся на стену, — Пол... с подогревом?

— А как иначе? Хрущевка что ли, ну блядь, ну не смешите. Вы же не в том положении!

— Кровь... долго не будет засыхать. Лужа... здоровая...твою мать.

— Ничего, отмоем.

— Я, кстати, хотел спросить, как только вы вошли, ну типа перед тем как вас порезать и всё тут испачкать, но... — опять его дурацкий смешок, — почему вы одеты во все черное? Траур штоле?

— Просто на черном плохо видна кровь... — он усмехнулся.

— Ой, знаете, мы успели с вами ТАК сблизиться, и мне будет уже не хватать вашего чувства юмора. Чувство юмора — это хорошо. Я даже что-то чувствую, кажется, это зовется «грустью». Вы забавный.

— Захар... ты — ебанный психопат, и единственное, что ты можешь делать с чувствами — это их изображать — сил держать нож не было, и он опустил руку, — изображать жизнедеятельность. Если бы ты меня не пырнул, быть может, мне бы было тебя жаль...

Трудно было отдышаться, и еще труднее было вырваться из плена боли, колючей проволокой сковавшей его тело. Кажется, что он почувствовал те жилы и мышцы, коих раньше не было.

— Мне можно уже руки убрать? — Долгоруков младший спросил с издевкой, последовала тишина, — значит можно! — он с осторожностью сделал один шаг, потом другой, мягко придавливая носками паркет, будто бы опытная швея, обращающаяся с педалью своей машинки. Говорухин медленно попятился назад. Главным было сейчас попасть в дверной проем, а потом в лабиринте коридоров с помощью стен можно было бы иметь шанс унести ноги. Умирать пока что было нельзя, и Говорухину впервые за долгое время стало страшно. И страх тот был давно забытым, выпавшим из жизни, но сумевшим спрятаться в тени и сопровождать его за руку всё это время, как возлюбленная сопровождает своего суженого.

Он кинулся в проход и столкнулся плечом со стеной. Облокотившись, он начал как можно быстрее перебирать ногами, оставляя за собой след из собственной крови. Он несся вперед и его шатало то в одну, то в другую сторону. Внезапно перед ним открылась дверь из нее вышла молодая девушка, сестра душегуба. Он столкнулся с ней, и она закричала, но в голове осмысленно звучала только боль. От удара Говорухин крутанулся и еле устоял на месте. Долгоруков младший шагом его провожал, пока его сестра свалилась в слезах в коридоре:

— Не волнуйтесь, девушка. Это всего лишь месячные, — пробросил он, пока пятился назад, — вот что скажет твой отец... если убьешь меня...он похвалит...зачистил все концы...неужели ты пойдешь...ему на встречу...а? — выкрикнул Алексей,

Долгоруков младший в это время молча шёл за ним. Видимо, решил поиграться, гаденыш, хоть что-то похожее на искру мысли промелькнуло у него в голове. Здоровой кистью Говорухин нащупал перила. Значит, лестница рядом. Сделав пару шагов, он устоялся на её пролет, устремившийся в бесконечность. Семенить по ступеням — слишком долго. Доля секунды, решение принято. Он навалился на поручень, и покатился вниз. Спустя пару мгновений он почувствовал жесткий стык, а затем грохнулся на пол, сбив всё дыханье. Поднявшись, он выскочил в дверь, и снова упал, но уже на уличный мрамор. Снаружи продолжал идти дождь. Он засеменял коленями по лужам и на четвереньках дополз до автомобиля, с огромным трудом открыл дверь и ввалился в салон, попутно заставив иконки на приборной панели и маленькую обезьянку бешено болтаться в воздухе. Со стуком автомобильной двери Говорухин стал проворачивать ключ зажигания. В ответ — глухое бурчание. Он заблокировал двери, оглянул соседнее сидение. На нём лежала коробка с пиццей, он открыл её, и взял несколько салфеток. Те сразу же прилипли к руке, и пропитались кровью. Обернувшись, он увидел Долгорукова младшего, стоявшего в дверном проеме со скрещенными руками, выражавшего своё недовольство Говорухин отворил дверцу и выкинул коробку с пиццей прямо на крыльцо и дал по газам. Машина вертелась то туда, то сюда, и выход был заблокирован боллардами, что вылупляются из-под земли, как полевые цветы. Говорухин резко затормозил, машину занесло чуть на бок и фара по-дружески поцеловались со миниатюрным столбиком. Из будки вышел тот же охранник, что его и встречал. Он слегка обомлел от того, что увидел за водительским креслом и расстегнул кобуру. Алексей понимал, что сил у него осталось немного, поэтому тут либо пан, либо пропал. Говорухин опустил водительское стекло, когда охранник подошел и наклонился. Он схватил его за грудки и часть его туловища, вместе с руками оказалась в салоне, накрытая корпусом. Окровавленной рукой он стал щупать нож, пока охранник матерился и пытался высвободиться из-под захвата. Говорухин еще сильнее на него навалился, и схватился за рукоять. Зажав её в кулак, скрипя зубами, Говорухин поднес острое к горлу стража порядка и прошептал:

— Дернешься... — дети и жена будут хоронить тебя в закрытом гробу, всё ясно? — он отдышался, снизу послышалось глухое согласие, — отлично, у твоего правого кармана кобура, у левого рация... Полезешь ко стволу — тебя будут хоронить в закрытом гробу... Возьми рацию, прикажи открыть ворота и сидеть молча в ебаной сторожевой будке. Одно резкое движение — тебя похоронят в закрытом гробу...твои кореша не выполняют требования — тебя похоронят в закрытом гробу... Всё ясно?

Тем временем дождь начал барабанить причудливую мелодию по автомобильному пластику. В гармонии с ним скрипели дворники.

Не Говорухин вёл машину, а машину вела его. Вернее несла, рассекая накопившиеся лужи. По радио была какая-то очередная болтанка про конец Света, и ведущая радостно объявила о том, что раз мы все умрем, то что нам страдания за прослушиванием песен группы «Нервы». Говорухин пытался сконцентрироваться. У него кружилась голова, и начал проходить шок. Скоро должно было стать еще больнее, вдобавок от перегруза его должно скоро отрубить. Не обращая внимание на дорогу и на нытье по радио, он избавлял свой телефон от симки, пытаясь снять крышку корпуса. Руки его не слушались, кровь приостановилась, и сейчас салон автомобиля напоминал не аскетичное рабочее пространство, а место, где производилось жертвоприношение. Крышка поддавалась, с ней и симка, да только та свалилась из охваченной судорогой руки и прямо под ноги, где располагались педали сцепления, газа и тормоза. Звук скрипевших дворником смешивался и автомобильного рыка со звуком автомобильных сигналок, раздававшимся так громко, будто тысяча вувузел на футбольном стадионе. Он наклонился и сразу почувствовал себя нехорошо. Кажется, по телу начался разноситься жар, а голова, и так переполненная до этого тяжелыми мыслями, стала еще тяжелей. Здоровой рукой он достал симку, затем открыл окно — и ветер ударил его раскаленным холодом в пару с каплями дождя. Симка осталась на дороге. Впереди был только туман. Теперь самым главным было не отключиться. Статья была почти что готова. И разговор с Долгоруковым младшим пролил свет на оставшиеся детали. Однако Говорухин всё-таки нарушил процедуру расследования. В его материале не было показаний родителей жертвы, хотя, когда у тебя в рукаве такой козырь как признание, то черт с ней — с этой процедурой. Волки наконец-то пришли, и мальчик бежал, чтобы предупредить горожан об опасности. Вот только кого он обманывает? У него бы просто не хватило духу с ними поговорить, да и захотели бы они с ним об этом говорить, или же они просто хотят забыться от того страшного сна, в ловушке которого они оказались?

Сил становилось всё меньше. Кажется, последний резерв был оставлен на схватку с охранником. Да, их выпустили, и вот Говорухин разогнался. Чуть не потеряв сознание от боли, он вывернулся так, что открыл дверцу автомобиля, с которой страж порядка свисал. Со стороны выглядело довольно кинематографично. Задрав ноги, он свисал с хлипкой раскачивающейся дверцы. И Говорухину пришлось несколько раз резко поворачивать автомобиль то туда, то обратно, чтобы избавиться от лишнего пассажира. Того оставили силы и он кубарем приземлился на мокрый асфальт. С того момента Говорухину лишний раз приходилось поглядывать в заднее зеркало, нет ли никого у него на хвосте, не развернули ли за ним погоню.

Время было как раз ближе к вечернему, когда жители Города разбредались по своим бетонным клеткам, лофтам, барам, клубам, любимым местам пребывания и провожали ускользящий день за досугом и бессмыслицей. По крайней мере, всё это стало казаться ему бессмысленным, а сам он стал ощущать себя вырванной страницей огромной книги, развеваемой на ветру в пасмурную погоду. По радио передавали, что, несмотря на усилившийся дождь, протесты до сих пор происходили, и люди никуда не собирались расходиться. Паника нарастала, и расходилась быстро, как инфекция. Город погряз в жаре, хоть на улице можно было легко подцепить простуду или воспаление легких. Там же по радио выступал какой-то политик, друг того священника. Он исходился на то, что мол «в

такой сложный период жизни города нельзя раскачивать лодку, и те, кто так поступают — подонки и предатели», на что ведущая иронично над ним измывалась, дескать что: раскачивается Ноев Ковчег?

Кажется, начало темнеть. По крайней мере, в глазах у Говорухина. Раздраженный вой политика действовал на него усыпляюще. Он пытался сфокусироваться, но в конце концов...

Его разбудил дикий визг тормозов и слепящий свет фар. Он резко развернул руль и чуть не слетел в кювет. Вдали сквозь вечерний дымок показались огни автозаправки. Радио было выключенным. Он заехал на неё и припарковался. Боль снова вернулась, а окровавленные салфетки, как первая помощь, уже казались частью руки, хоть и воспаленной. С трудом он вылез из машины и дохромал до входа. Ввалившись, он спросил продавца об аптечке. Видок его (Говорухина) был потрепанным, но его в тот момент это не волновало. Скорее, если бы ему сделали замечание, он бы просто устало огрызнулся матом, а затем мы свалился в отключку. Продавец, немного напуганный этим, указал на полку с товарами первой необходимости. Журналист схватил первое, что попало, а также шоколадку. Уже при расчете оказалось, что у не оказалось средств рассчитаться. Но продавец был достаточно любезен, чтобы не спрашивать о деньгах, да и когда Говорухин стал искать карточку в карманах джинс ноющей от боли руки, что сводит всё тело, со стороны это казалось неловким. Такой немой мизансценой, где один из собеседников понимает, что не стоит задавать вопросы, а другой, что не стоит давать ответы. Взяв с собой всё нужное, Говорухин завалился в служебный туалет и рухнул на унитаз. Кое-как он смог оторвать дешёвую фланелевую бумагу — кровь побежала вновь — обработать раны, сделать на скорую руку повязку, закинуться анальгетиком и шоколадкой, а также посмотреться в зеркало. Наконец-то внутреннее коррелировало с внешним.

Ему немного полегчало. В частности, рана поблагодарила за свежую повязку не остро, а притупившейся болью. Болеутоляющие дали голове легкость. Отблагодарив продавца, под осуждающие взгляды новоприбывших покупателей он вышел с заправочной станции, дохромал до автомобиля и снова пустился в дорогу. До Города оставалось недалеко, а эта трасса как раз выводила в центр. Инстинкты подсказывали ему, что стоило бы ненадолго спрятаться, дабы спокойно закончить материал. Ну а где же еще скрываться, кроме как в родном доме, хотя что его теперь может с ним связывать? Только ходящий под себя полусумасшедший старик, прикованный к телику, выкрикивающий лозунги «Единства», Проклятый овощ всё цеплялся за жизнь, как муравей за тростинку. Кажется, он просто не хотел уходить, пока не потащит всех за собой. Пока не утопит всех в своей злобе, в своих капризах, в своих долбанных замашках и правилах. Так было всегда. Чокнутый старый диктатор и параноик. У него определенно съехала крыша, да и когда она была нормальной у этого подлеца. Вроде и родился после войны, а сразу после развала во всей этой объединяющей победной истерии кричал, что может еще раз повторить. Мол семья из него выжимала все соки. Мол он всё тащил в семью... со своего гребаного завода, пропади он пропадом. Постоянно изменял, выносил мозги матери, не стеснялся «колотить» в воспитательных целях... ЕМУ УЖЕ НУЖНО БЫЛО УЙТИ...

Позади в своем диковинном танце резвились огоньки следовавших за Говорухиным машин. И эти огоньки быстро приближались, а потом и вообще исчезли. Говорухин прибавил газу, машину трясло, и счетчик топлива жалобно запиликал в просьбах о добавке. На ближайшей развилке Говорухин свернул, и за поворотом Город предстал в своем истинном мрачном и отчасти величественным облики. Заводские томно-пасмурные здание

сосуществовали с бетонными недостройками, разрисованными безобразными граффити. Уродливые лысые деревья набухали от влаги и напоминали о костях, неправильно сросшихся после переломов. Небо представляло собой пустоту, заполненную тускло освещенными облаками. Звезд нигде не было видно.

Тем временем, огоньки снова появились, и приближались они гораздо быстрее, чем в прошлый раз. Говорухин снова бросил взгляд на счетчик. Хватит только до города. Он сильнее вдавил педаль газа, но огоньки не отставали. Кем они могли быть? Был нужен план. А может это была его паранойя? Он вообще мог доверять окружавшему его пространству или своей голове? Вдруг раз, шелчок пальцами, и всё выключится. В тот момент ему не особенно хотелось думать о Кастанеде, Пелевине и причудах восприятия, хотя этот вопрос занимал его. У него даже стояло несколько книг об этом дома. В основном, по психологии — как мозг перерабатывает информацию, как он справляется с нагрузками, с эмоциями радости или горя. Вечера в Городе были томными и одинокими. Надо было как-то отвлекаться.

Мерцающие огни проехали мимо него. Это был какой-то кортеж, наверное, направлявшийся на аэродром. Номера Говорухину показались знакомыми, хоть он и не существовал в тусовке и был относительно рукопожатным. Среди всего того безверия, в коем он жил и жили его коллеги, да и те, с кем по долгу службы приходилось налаживать контакты, он старался избегать тех тем, которые бы не хотел освещать. Образование и студенческие связи позволяли ему идти по достаточно лёгкому пути. Те люди, с кем он когда-то начинал, сейчас являлись не последними в светском рукопожатном кругу по обе стороны баррикад. Но он писал о бытовухах, о разбоях, о преступлениях, да сальные колонки про ушедших звезд и иже с ними. И ему мерещилось, думалось, чудилось, что одно вытекало из другого, что они были одним смердящим целым, и ему не хотелось быть частью. Хотя какая часть, да так — просто винтик.

Он въехал в Город, и рука заболела с новой силой. Рана жглась, кололась и ныла. Будто бы она брала небольшую передышку, чтобы снова возить Говорухина по бойцовскому рингу. Алексей закусил здоровую руку и сильно сморщился. Он проезжал центр, где сверкали стеклянные небоскребы в форме причудливых спиралей, фаллосов, факелов и осколков, и где бросало в дрожь от холода бетонных вычищенных улиц. Место, куда съезжались миллионы людей со всей страны, чтобы прикоснуться к мечте и к богатству, выглядело потерянными и даже постапокалиптическими. Всё-таки, утопленные в воде бетонные улицы резко контрастировали с той продаваемой оберткой, показываемой в кино и в сериалах. Люди, что раньше цитировали «Титаник», стоя на крыше этих высоток, успели уехать. По крайней мере, можно было не платить за парковку. Говорухин как раз нашел какой-то закоулок среди этого бетонного лабиринта, где и оставил автомобиль. Может быть, если бы он не был бы ранен, то огорчился бы тому факту, что его кеды развалятся после подобной прогулки, а сам он может сильно застудиться. Тем не менее, он хромал по одиноким улицам в поисках монорельсовой станции в сопровождении одного дождя. Метро было затоплено. Об этом говорили в новостях, да и по количеству воды на улицах можно было бы догадаться. Идя, он постоянно оглядывал свое отражение на темных стеклах величественных зданий и не мог понять почему оно распадается на острые куски, и куда спрятался тот кусок, которого не хватает, чтобы выложить слово «вечность». Наверное, это всё галлюцинации. От недосыпа, от шока. Случается со всеми, когда люди теряют много крови и сталкиваются со злом. Он начал щелкать пальцами, чтобы прийти в себя, проверяя осязаемость окружающей его реальности. Щелчок отзывался гулким эхом. Соприкосновение пальцев — ударом друг

от друга. Он подумал о том, что надо бы написать тому пареньку, где он оставил его машину, но потом вспомнил, что избавился от симки. Работали светофоры. Улицы покрывались лунным светом, параллельно Говорухин нашел эскалатор, то тот не очень-то хорошо работал. Встав на него, Говорухин стал подниматься вверх, но где-то посередине техника забуксовала и стала опускать его вниз. Вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз. Говорухин присел на ступень и залип в никуда. Как будто ему требовалось перезагрузка. Вверх-вниз. Вверх-вверх. Мимо него проходили случайные прохожие, оказавшиеся в этой городской мясорубке то ли от того, что им некуда было уезжать, то ли от того, что они решили остаться. Очнулся Говорухин только спустя несколько минут. Кто-то подергал его за плечо, и нехотя он преодолел ступени, попутно чуть не упав.

Монорельс исправно функционировал, и на станции собралось несколько человек. Вдалеке виднелся костер, и шел черный дым. Видимо пожарище был мощный, а папу всё еще не выбрали. В это время поезд потихоньку подобрался к станции. Двери вагона раскрылись, и Говорухин зашел внутрь, рухнув на первое попавшееся место. Вагон стал раскачиваться на месте, а затем потихоньку тронулся. Говорухин оперся головой на холодный поручень и закрыл глаза. Боль всё равно не дала бы заснуть, так, впасть в беспамятство на несколько минут, но он хотя бы не извивался на месте, мучимый жжением изнутри.

Спустя какое-то время поезд прибыл на нужную Говорухину станцию. Собственно, его, время, было очень трудно разобрать. Стемнело рано, и то ли это был глубокий вечер, то ли ночь, то ли день уже перешагнул свой экватор. Аккуратно спустившись по лестнице, шагая по каждой ступеньке, Говорухин спустился вниз и захромал к родной бетонной коробке, зная, что он будет делать дальше. У него было время подумать еще будучи в вагоне. Холод беспроглядной темной ночи обволакивал его и заставлял сжиматься, дождь ослабевал и походил на морось. Сумка с ноутбуком вертелась на плече и постоянно сталкивалась с бедром при ходьбе, что было очень неудобно. Говорухин насупился и немного всполохнулся. В магазине на углу были выбиты стёкла, неподалеку горела ржавая иномарка. Вдали раздавались оглушительные вопли. Ребята с окраин решили поразвлечься, да и им было где развернуться. Говорухин попытался ускориться, но истощение дало о себе знать. Ему стало очень плохо, и он почувствовал приближение обморока. «Любовь — это когда она вытаскивает твой запавший язык, чтобы ты не задохнулся». Он нервно рассмеялся и побрел дальше только чтобы увидеть впереди толпу ребят в спортивных костюмах с битами, палками и цепями, приближавшихся к нему. Если раньше, он посчитал бы их за грустную иронию и с максимальным достоинством, кое можно сохранить, когда несколько человек бьют одного, принял бы свою участь, то сейчас у него засосало под ложечкой. Не в пример Говорухина, они шли быстро, слаженно и нацеленно. Приблизившись к нему, их главарь попросил стрельнуть сигарету. Говорухин ответил, что как раз шел за пачкой. Посмотрев на него повнимательней, они стали смеяться, и заводила спросил у журналиста как у того дела. С силой вздохнув, Говорухин ответил, что у него выдался херовый день. Затем кто-то стал интересоваться содержимым его сумки, на что Говорухин резко ответил:

— Если собираетесь делать это, то делайте быстро. У меня еще куча дел. Если же нет, то идите по своим делам, а я пойду по своим, — затем он стал буравить взглядом главаря банды, — может вы и несете хаос, может мне стоит вас бояться, только я видел зло и тьму, и вы на нее никак непохожи. Зло, — он фыркнул, и поднял забинтованную кисть вверх, — оставило на мне метку... Ха, а теперь извините, — Алексей захромал дальше.

Кто-то хотел напасть на него со спины, но ему отрезали, мол этот парень и так выглядит, как покойник, так еще псих. Они разминулись.

И вот пройдя через эту клоаку из грязи, дерьма и сырости он очутился у подъезда. Последние несколько минут репетативной хромоты выпали у него из головы. Он где-то отыскал ключ и навалился на дверь. В лифте мигали лампочки, и его грохот мог окончательно перебудить всех соседей. Говорухин вышел на своем этаже, а потом долго подбирал ключ от входной двери, будто бы пьяный.

Он ввалился в эту тесную и темную прихожую, в эту тесную и тёмную квартиру, сжимающую не только место, но и голову, и распластался на полу. Кроме треска телевизора в ней не было ни звука. Свет он не включать. Глаза адаптировались к черноте родного дома. Пройдя на кухню, он достал из сумки ноутбук, открыл его и приступил к работе, преодолевая эту сладкую пелену бессилия и сна. Стуча по клавишам, он уже не замечал ни пронизывающей боли, ни голода, ни холода, ни собственных горестей, ни радостей, ни обид хотя случайно опечаллся, написав «ГОВОРУХИНА НУЖНО УБРАТЬ», вмест Долгорукова.

Из крана вдруг закапала вода, за окном шумела скорая. Спустя какое-то время ритмичный стук клавиш закончился, и вот статья была готова. Вернее почти. Осталось только её вычитать, но у Говорухина совершенно замылился взгляд и начинался жар. Надо было умыться. Поднявшись с табуретки, он пошел в ванную, но услышал старческий хрип, более походивший на свинячий визг, как животное закалывают на скотобойне. Он вздохнул, у него сжались кулаки, и вена так и била в ритме пульса ему в голову. Дверь была приоткрытой, и из нее исходило голубое сияние, которое бывает только тогда, когда экран покрывается статикой из-за ненастроенной антенны. Говорухин её медленно отворил. Внезапно телевизор включился на очередной ура-патриотической программе, и вместе с тем раздался стариковский рык.

— Вы все суки сраные, — старику тяжело давались слова, и между ними постоянно были паузы, а сам он рычал, стиснув зубы, — вашему либеральному брату надо как дать офицерского пинка, да чтоб они полетели вниз по гребаной улице блядь! Ты...ТЫ, — его голос звучал одержимей, и вместе с тем еще злее, под стать тону программы, где ведущий угрожал бунтовщикам вводом войск, повышая свой голос. Старик выглядел высохшим и бледным, а глаза его будто бы тонули в скулах и орбитах.

— Ты не был офицером, — Говорухин проговорил это устало и наскоро, пытаясь отмахнуться от назойливой мухи, плечом прижавшись к стене — ты был всего лишь заводским начальником, который громче всех кричал лозунги.

— Гнида ты, мразь, шваль и подонок! ТЫ ЗАБРАЛ У МЕНЯ СЕМЬЮ, СУЧИ ВЫРОДОК! Эх, был бы я сильнее, я бы тебе так треснул, паскуда! В тебе нет ни капли моей крови!

— Отлично, значит, у меня не будет Паркинсона. Удачи, старик.

— Да как ты! Вот когда я колотил твою мать ЧТОБ ОНА ЗНАЛА и ТВОЮ БАБК! ЗДЕСЬ! В ЭТОМ ДОМЕ БЫЛ ПОРЯДОК! БУНТАРИ! РАСКОЛЬНИКИ! НЕХРИСТИ! СГОРИШЬ В АДУ ВМЕСТЕ С ЭТИМИ БЛЯДЯМИ!

Что-то внутри Говорухина щелкнуло. Какой-то переключатель, подсознательно его готовивший к этому. Он знал, что так и произойдет, когда много лет спустя вернулся сюда, и только уверился в этом, когда сбегал от Долгорукова. Вот перед ним была сплошная прямая линия и ему нужно было поставить точку. Точку в ответе на гложавший его вопрос: «Откуда?». Может, это было кодовое слово из ящика? Сигнал вай-фай? В тот момент, он был готов рассмотреть любую теорию заговора. Кажется, что и дед всё понял. Его высохшие глаза говорили об этом куда яснее слов. Наконец-то он отмучается, хотя за всё, что делается, рано или поздно приходится расплачиваться. Всё произошло урывками. Вот он берет эту сальную подушку, вот он зажимает её локтем и валится на неё всем телом, чувствуя под собой мышечные спазмы, агонию и попытки сопротивления неминуемому концу. Вот по телевизору начинают показывать военный парад, оркестр торжественно играл гимн, и за этим гимном он совершенно не слышал глухих стонов и всхлипывания. Вот Говорухин видит, что его рана снова закровила. И подушка под ним перестала болтыхаться. И вот он, уже склонившись над бочком, блевал в каком-то необъяснимом шоке, сотрясавшим всё его тело, а потом свернулся калачиком на холодном кафеле, всё еще дрожа от пережитого.

Он проблевался еще раз, удивился, что в унитазе не оказались его органы. Затем он облился холодной водой, намочив все свои повязки, а потом обессиленный рухнул калачиком на кафельный пол. Его трясло, дико хотелось закурить. Еще одна точка невозврата пройдена, как обычно говорят. Он не мог в это поверить, и как будто бы со

стороны еще раз оглядывал произошедшие события, не в силах вмешаться и остановиться. Так оно когда-нибудь и кончится, или должно кончиться. Всё к этому идет... да какое идет — катится вагонеткой, сошедшей с рельс. Ужасная тряска потихоньку сходила на нет, хотелось просто завалиться спать — забыть про треклятый Город, про семью, про неё, про Долгоруковых, про осточертевшую работу, переламывавшую изнутри, да про весь гребаный мир, где человек то и дело остается на откуп своим страхам, страданиям и горестям вгрызие с другими. Оставалось незаконченное дело. Горожанам нужен был антагонист, ну что ж. Они его получают, а потом могут катиться к чертовой матери, ведь всё, что уже можно было потратить, уже было потрачено. Пускай копошатся в своем дерьме сами... Хах, смотрите что за человек вдруг подумал о принципе морального превосходства над остальными, хотя был точно также повязан в этом преступлении, как и мы всё. По крайней мере, Говорухин себя убеждал, что у него хватит смелости для честного суда над самим собой.

Еле поднявшись, опираясь на стенку, он неожиданно для самого себя рассмеялся — в зеркале была тысяча его отражений, и он не мог определить, в каком из них он сам. Медленно он выполз из ванной и дополз до кухни. Там он собрал остатки своих пожитков — ноутбук с составленным текстом — в сумку. Ему почудилось, будто бы он террорист, готовящийся оставить сумку в метро. Только его бомба была информационной — верной для использования.

Уже волоча ноги к выходу, ухмыляясь, он услышал позади себя скрип половиц. Лёша замер на месте, его ноги налились свинцом, а сердце прихватило. Глаз его задергался в нервном треморе. Лицо его напоминало посмертную маску, коя застывает на человеке, когда он умирает напуганным. Он медленно развернулся и увидел деда. Высохшего, старого, потрепанного, стоящего на ногах. Свечение его голубых глаз напоминало о белых ходаках, и на его зрачке мирно трепыхалась муха. Грудная клетка не сжималась и не разжималась. Тело стало еще бледнее. Он крутил шею вокруг своей оси с мерзким треском трущихся друг об друга костей, а затем с хрипом издал:

— Сначала мы доберемся до них, и только потом уже до тебя. Передавай матери привет.

Он улыбнулся, и у него захрустела челюсть... Говорухин попятился назад к выходу и дед, будто бы автоматон или деревянная кукла, украдкой последовал за ним. Нащупав рукоять, Говорухин схватился за нее и в следующее мгновение выпал из квартиры. Он забыл о боли, о ранах, о том, что носилось в его голове, и бежал по лестничным пролетам, будто бы бесконечной лестницы. Под конец, кажется, девятого пролета, а ему показалось, что их было девять, у него начала сдавать дыхалка. Задыхаясь, он вывалился из подъезда и упал прямо в лужу. Не теряя ни секунды, он вскочил и бросился вспять, не оглядываясь на то, что он за собой оставил.

Ближе к ночи, офис ЖИЛАЙВ уже опустел. Обрушившаяся буря поутихла. Казалось, что это просто погода решила дать перерыв Городу, дабы тот зализал свои раны и вышел следующим днем на генеральное сражение. В помещение было темно, когда вошел Подрулин. И лишь экран гаснущего монитора мерцал жидкими кристаллами. Арсений Палыч остановился, ему стало немного не по себе. Кто мог тут оказаться в такой час? Он же разогнал этих прожигающих бюджетные деньги дармоедов и бездарей по домам. Подрулин стал щупать стену в поисках тумблера и нажал на что-то на него похожее. Пара секунд понадобилась лампам, чтобы разогреться и ударить как следует:

— А, свет, — раздалось из кубикла.

— Леша, твою мать, что ты здесь делаешь? Сукин ты сын, ты знаешь сколько ты тут отсутствовал?! Я кого только за тобой не посылал. Ни дома, ни в заднице у литнегра, ни в сраном космосе тебя, тебя, сучье вымя, не оказалось. Где ты шлялся, твою мать!? — последовало за этим. Подрулин включил начальника и решительным шагом заковылял до источника беспокойства за поворотом.

— Ох, мать твою за ногу, — единственное, что он проронил, когда из-за тонкой картонной стенки увидел Говорухина. Тот напоминал бездомного, огромные мешки под глазами венозного цвета, нос, заклеенный лейкопластырем, руки в повязках (та что покрывала кисть была мокрой от крови), сальные смольные волосы, грязное пальто вместе с сумкой, сваленные на пол, — Что с тобой случилось?

Говорухин устало улыбнулся и ответил:

— Работа, — он быстро отвел взгляд, казавшийся усталым и потерянным, — приятель-полицейский подкинул дело. Оно вам не понравится.

— Я не девка, чтобы мне что-то нравилось или не нравилось, — Подрулин попытался вернуть себе уверенность, но сразу же представил, что могут сделать с ним. А ведь у него жена, дети, любовница и собака. Кто же будет её кормить?

Лёша достал смартфон, открыл запись разговора и отмотал её до кульминации. Слушали это всё в тишине. Говорухин уступил кресло и перебрался на пол, облокотившись на картонную облицовку тонкой серой стенки. Дослушав, Подрулин вытащил из кармана сигареты

— В двух словах, Захар Долгоруков с особой жестокостью убил свою подругу, в ментовке это дело замяли, родственников купили, и он собирает вокруг своей личности культ. Я же, нарушив все законы этики, раскрыл этот обман, так что премию «журналист года» разделю вместе с тем хуеглотом из «Скролла», который шантажировал дурачков из «групп смерти», — он вздохнул, — не мир, а просто блядь ебаная помойка.

Подрулин замялся, а потом спросил: «Однофамилец?»

— Хах, а вы говорили, что у вас чувства юмора нет, — Говорухин уткнулся в пол, — самый настоящий оригинал... я думал, что повидал всякого, что видел зло, но оказалось, что я никогда не видел его настолько близко... так близко, что оно меня коснулось... Видимо, это какая-то проказа. Вот, кстати, подарок маленького Захарки, — журналист вспрял, оглянул бледного Подрулина и поднял отяжелевшую от опухлости руку, — Теперь, я могу открыть для себя новые способы онанизма... Чикатило, в сравнении с этим мальчиком, просто ребенок, таскающий девочек за косички.

Подрулин плохо соображал, он всего лишь заскочил забрать бутылку трофейного виски, которую он получил от секретаря правительства, когда его назначили главным. И уж совсем не ожидал увидеть своего сотрудника своего сотрудника в таком состоянии. Он присел, снова достал из кармана сигарету, а затем мрачно заметил:

— Утром вводят войска.

— Мне уже плевать.

— Пускать материал нельзя — добавил он, закуривая.

— Вау... Серьезно? Раньше не могли сказать? — съязвил Говорухин и засмеялся.

— Может быть, для тебя это всё игрушки, и вообще не надо было тебя возвращать! —

Подрулин заметно нервничал, — но твоим коллегам надо семьи кормить! ТУТ ЖЕ БУДЕТ ВЫЖЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ!

— Через пару лет здесь везде будет выжженная земля, и мы ничего не сможем с этим поделаться.

— НЕТ, НУ УСРАЛОСЬ ТЕБЕ ЭТО НАПИСАТЬ, А! ЧЕГО Ж ТЫ К НАМ ЭТО ПОА!?! СВОЛОЧЬ НЕБЛАГОДАРНАЯ! ТЫ ЖЕ У МЕНЯ НА ПОПЕЧЕНИИ! — Подрулин покраснел и затрясся.

— Что ж сказать, я всегда любил театральщину, — с безразличием ответил Говорухин, он был занят разглядыванием серых панелей потолков.

— Выебнутся тут решил! ТАК ЧТО ЛИ! ВСЕХ УСТРАИВАЕТ А ТЕБЯ И УСТРАИВАЕТ! ТВОЮ МАТЬ! — Подрулин вскочил с кресла, орал, а потом сник и снова уселся, ссутулившись — знал бы, как ты мне НОЖ В СПИНУ вставишь, не стал бы вообще тебе помогать!

— Отлично, у Макса Коржа и группы «Нервы» стало бы на одного хейтера меньше, — он уткнулся в пол и усмехнулся.

— Пока я тут, ни хера ты не выложишь! Да и как! Твой пароль аннулировали! Всё! БАСТА! — Подрулин расхохотался, он нашел выход.

Говорухин в ответ улыбнулся, и произнес: «Мой-то аннулировали, а вот Храмовский нет. Статья в сети вот уже пятнадцать минут. Всё. Гейм-сет-матч».

Журналист тяжело поднялся и захромал к выходу:

— Когда они придут, где тебя искать? — в голосе Подрулина звучала обреченность. Отпуск теперь насмарку.

Говорухин обернулся и ответил:

— Дома. Хочу поспать, — он почти дошел до двери и снова повернулся, — Аркадий Палыч, сколько вашей дочке лет?

— Пятнадцать, одна из немногих радостей на свете, — Подрулин ответил с горечью.

— Вере было шестнадцать.

— Ты это... будь там осторожен.

— Когда я шел сюда, — Говорухин замер в дверном проеме, — я встретил на улице нищего, и почему-то мне захотелось кинуть ему монет, хотя у попрошаек всегда есть крыша, и этим я... в общем, я кинул ему всю свою мелочь и попросил за себя помолиться, так что всё будет... прекрасно.

Было непонятно шутил ли он или нет.

Говорухин плелся по разбитым затопленным улицам старого Города. Солнце, вместо своего типичного предрассветного блеска, отливало ярким свечением красной ртутной лампы, кою используют для проявки пленки, вторившей ночи. В багровых лучах, означавших не сколько приближение, сколько отдаление горящего карлика, виднелись облупленные стены, следы черной плесени, побитой рыжей кирпичной кладки, обглоданные ржавчиной старые крыши. Говорухин оглядывал потасканные дома, улицу, которая видала времена и получше, когда слова чего-то стоили, а ночные горшки выливали прямо из окон, и не понимал, как себя чувствовать, оставляя за собой круги на воде.

Впереди был небольшой круглосуточный магазин. Говорухин зашел туда, отметившись отпечатками грязных подошв на плитке, взял шкалик коньяка, пол литра газировки и пачку сигарет. Продавщица, невыразительная брюнетка, спросила, что он тут делает в такой час. Он улыбнулся ей, и ответил, что идет домой «кончать с тараканьими бегами». Она что-то пролепетала, но он не услышал за звоном закрывшейся двери.

Шлёпая по лужам он дошел до автобусной остановки, присел на болезненно желтую лавку, поставил рядом покупки. Он открыл бутылку газировки, вылил оттуда примерно треть, затем перелил в неё содержимое шкалика, и, закрыв её, сильно встряхнул. Затем он снова её откупорил и сделал несколько глотков, немного поморщившись. Всё равно завтра не будет похмелья. Рука напомнила о себе своей тяжестью, тело — жаром. Ничего, скоро всё закончится. Скоро он станет единым целым с той черной пустотой, коя поглотила дорогих ему людей. Одним большим ничто. Всё к этому и так шло. Он сделал еще несколько глотков, поморщился. Его пронизал озноб, а так он хоть немного согрелся. Он выпил еще. Его стали посещать видения из прошлой жизни. Он пригубил бутылку еще раз, почти с ней расправившись. Говорят, что перед смертью вся твоя жизнь проносится перед глазами. Так вот что это было. Он отчетливо вспомнил и семейные склоки, и поступление, и её, и кольцо, и ту ночь, и как всё это оборвалось в одно мгновение шелковой нитью. Стерлось после дождя, как линия, нарисованная мелом. Он сделал последний глоток, достал сигареты и закурил. Потом попытался приподняться. Он пошатывался, но всё же смог устоять. За первым шагом последовал другой. За ним следующий. Он ускорился, ноги обрели уверенность. Ни к чему уже было откладывать неизбежное. Он примирился с тем, что его быстро забудут, что его имя, если и будет на досках памяти погибших журналистов, то оно быстро сотрется. Что его следы заметет снегом. Что ж, пусть так, это было бы честным по отношению к нему. До дома оставалось недалеко. Он отчеканивал каждый шаг, и эти шаги давались ему легче и легче. Впереди была длинная арка, освещенная неоновыми фонарями фиолетового цвета, за которой скрывался двор, где ему (точнее им) довелось жить. Он встал перед аркой. Оглянулся. За исключением одиноких остовов автомобилей рядом не было ничего. Вслушался. Только журчание воды, бегущей по тротуарам и дорожкам в переполненные стоки. Он сделал затяжку, отшвырнул окурок в лужу, глубоко вздохнул и пошел к своему подъезду. Проходя через арку, он бросил взгляд на разрисованные надписями стены. Из различимого он обратил внимание на рисунок семьи — отец, мать, мальчик и девочка держаться за руки, и девочка отпускает шарик ввысь — будто бы выжженный в стене, подписанный: «В остывшем сердце злом...»

Говорухин прошел дальше, и приближался к подъезду, издали показался знакомый

автомобиль. Тот автомобиль, который он успел бросить ранее. В салоне было темно, однако двигатель работал, и машина буквально кипела на месте. Он медленно подошел к водительскому месту, и закашлялся. Его чуть снова не вырвало, и он крепко выругался: «Господи, это вообще нереально!». На водительском кресле покоился труп молодого человека с отрезанной головой, кою кто-то счел остроумным поместить на колени, обхватив руками. Он вцепился в свои волосы и сделал пару шагов назад.

«Так это был тот разносчик...» — осознание было болезненным. Он стал звеном его конечной жизненной цепи. Он присел на колени, рука заныла еще сильнее, и тут он заметил отброшенные кем-то две тени:

— Захар Варленович просил вас спросить, как вам его жест? — сказала одна из них, Говорухин уткнул свою голову вниз, и не хотел разбираться кто это был.

— Да, да, — ответил он растерянно, и отдышался, — я его принимаю... — полагаю, вы не Свидетели Иеговы, и у вас еще есть дело... — проговорил он отчужденно.

— Приятно иметь дело с умным человеком, — расплылась в радушии одна из теней. Говорухин поднял голову, не стоило позволять себе выходить из образа. Он улыбнулся и оглядел двух стоящих рядом с ним мужчин. Они были вдвое больше него, мощные, по прическам и отпущенным бородам стало понятно, что они пользовались одним барбером. Армейские всегда гладко выбриты, это и чекистов касалось, и ментов — кем они были?

— Я смотрю у вашего барбера плохо с фантазией, — пошутил Говорухин, — или это два по цене одного?

Они добродушно засмеялись и ответили:

— Да, нам рассказывали, что ты забавный.

— Господи, надеюсь, что не моя бывшая!

— А чего такое?

— Дак вам бы пришлось юзать спиритуальную доску! — Говорухин заржал, и они вместе с ним, — ну вы поняли! — Говорухин сделал вид, что сгибается от смеха, только для того, чтобы отдернуть ногу и ударить её по промежности одному из здоровяков. Резко переключившись на второго, он попытался приложить здоровой рукой в челюсть, и хоть после его удара хрустели костяшки, здоровяк даже этого не почувствовал. Говорухин оглянулся на другого. Все происходило посекундно, и он изумился тому, что тот стоял выпрямившись, хотя должен был согнуться. Они схватили его за грудки и оттащили подальше от машины. Первый удар пришелся в челюсть, второй в скулу, будто бы его колотили отбойным молотком. Третий удар сломал зуб. Четвертый прямо в глаз, и на нем образовалась какая-то пелена, стало меньше резкости. Пятый пришелся в солнечное сплетение, он стал задыхаться. Били прицельно, и будто бы даже не силясь. Говорухин упал на асфальт и вместе с плеском воды почувствовал её холод и зловоние канализации. Отдышавшись, он чуть-чуть приподнялся и еле выговорил:

— Сразу два...замечание... Никогда не стоит начинать с головы... жертва начинает путаться, — тут его схватили за волосы и окунули на несколько секунд в лужу, а затем отпустили, он облокотился на спину, и прокашлявшись договорил, — Второе... не люблю пытки водой, давайте по старинке ласточку. Обессиленно он рухнул обратно и почувствовал, как его поднимают на колени:

— Кстати, как мне вас звать? Пупа и Лупа?... Я за Пупу и за Лупу, — встретил его не смех дружелюбной аудитории, а пощечина, Говорухин харкнул кровью, и уличные ручьи куда-то унесли осколок его зуба. У него закружилась голова и он не мог удержаться, кто-то

держал его за плечи, пока другой рылся в телефоне

— Нет, ребята... мне еще рано сниматься... в промо-роликах ИГИЛа, — еле выдавил из себя Говорухин,

— Хах, — громили посмотрели друг на друга, — а вот уже смешно.

— Спасибо, это мой лучший... материал — Говорухин скривился от боли, ему дали вподдых, и него хрустнуло ребро, он снова прокашлялся и выругался, что ж, теперь болит всё тело и рука отошла как-то на второй план — не надо...аплодисментов.

Перед ним развернули телефон, на котором вызывался неизвестный абонент по видеосвязи. Что-то вроде скайпа или facetime. Экран был повернут вертикально, и на нем появилась фигура мужчины лет пятидесяти, следящего за собой, но не в данный момент. Галстук был полуразвязан. Верхние пуговицы сорочки расстегнуты, сам он постоянно облизывал губы и почему-то подносил палец ко рту. Этот мужчина был в гневе, в ярости и возбуждении:

— КТО ТЫ ТАКОЙ!?! — он был взвинчен, и вел разговор на повышенных тонах командным голосом, в котором чувствовалось отчаяние

— Воу... вот это хай-тек. Наконец-то дистанция между народом и властью сократилась, — саркастично подметил Говорухин.

— Шутник значит, да!?! Отвечай! — его собеседник очень много потел и в итоге скинул с себя галстук.

— Вы... это и так знаете... — вздохнул Говорухин, ему уже хотелось, чтобы это поскорее всё закончилось.

— ОТВЕЧАЙ НА ВОПРОС, СКОТИНА!

— Ладно...Ладно... моё настоящее имя — Спайдер Иерусалим, — Говорухин улыбнулся, и сплюнул кровью

— ЧТО ТЕБЕ НУЖНО!

— Чтобы вы телефон...

— НУ НУ

— горизонтально развернули... хочу интерьером полюбоваться... это же приемная... Почтительный господин насупился и бросил взгляд на своего помощника, попавшего ему в кадр. Тот бросил взгляд на другого. В следующую секунду Говорухин ощутил удар в челюсть и услышал хруст. Кажется, это была скула.

— Чтобы всегда светило солнце... бесконечный боезапас... и пляжные зонтики для коктейлей...

Последовал еще один удар,

— ТЫ КЕМ СЕБЯ ВОЗОМНИЛ?! — мужчина на том конце провода истошно закричал бросил что-то со стола.

— Четвертой... властью, — Говорухину стало страшно, и когда он увидел, что над его лицом заносят кулак, то жалобно попросил: «Не надо», а затем произнес, — журналистом...

— КТО ТЕБЯ ЗАКАЗАЛ!?! — мужчина в сорочке стал краснеть

— Чееггго? — единственное, на что хватало сил Говорухину, это членораздельное выговаривание слов.

— ЭТО ПОДМЕТЕЛКИН?! ГХЕБГХОВ!?! КИГХИЛЕНКО!?! — изображение с экрана постоянно тряслось от гнева своего владельца...

Говорухин засмеялся, паззл сложился, и он поддался хохоту еще сильнее. Из солидного мужчины тот превратился в жалкого психованного параноика. Хохот смутил его

собеседника и тот огрызнулся:

— Что ты позволяешь себе, огузок!?

— Просто... Варлен Сергеич, вы ведь даже... свое блядское имя не можете... выговорить... картавите... никогда... за вами не замечал... очень смешно... ну вы и сукин сын... конечно..

— НАУЧИТЕ ЕГО МАНЕГХАМ! — потребовал Долгоруков старший от своих подчиненных визгом. Он начал трястись и бить по столу кулаком, но потом, как это бывает, когда человек ударятся обо что-то, начал потирать костяшки и стряхивать кисть, чтобы боль прошла, неуклюже, будто бы он был в чем-то не уверен. Один из его подчиненных достал из кармана целлофановый пакет, и надел Говорухину на голову, затянув его у шеи. Говорухин запаниковал и начал судорожно вдыхать воздух, но вдыхать было нечего. Наоборот, он только растранижил запасы кислорода и бился в конвульсиях в руках своих мучителей. Его отпустили, и Говорухин обессиленно рухнул кому-то на руки, так как не мог держаться на коленях. С жуткой отдышкой он произнес:

— Лучше бы... вы сына... так воспитывали

Собеседник вспыхнул от гнева и закричал:

— НЕ ТХГОГАЙ МОЮ, — тут у него сорвался голос и он захрипел, — КХГОФ!

— Твоя кровь... — Говорухин опустил голову, чтобы ему было полегче говорить, — изнасиловала... жестоко убила девочку... годящуюся тебе в дочери... но видимо... у каждого свои недостатки?! — Говорухин усмехнулся, и почувствовал как сильно болят его ребра...

— Мы... — у него слегка задрожал голос, но он его выправил, — САМИ ГХАЗБЕГХЕМСЯ! Я УЖЕ ПГХИНЯЛ МЕГХЫ!

— Мда... убьешь пятырых — оплатим учеббу в Кембридже... завалишь десять... станешь депутатом... — Говорухин поднял Голову и посмотрел на Долгорукова старшего — уже поздно... Он придет... за тобой... и за другими... и тогда... ебнет пиздец... ах суки вы ебаные, как же больно, — Говорухин почувствовал, что скоро потеряет сознание, у него начало темнеть в глазах, но он продолжил... — он придет... потому что ты... заразил его... и заразит всех... Он... — тут журналист осекся и попытался завалиться на землю, но его удержали.

— Домашний агхест даст ему всхтяску! — Долгоруков старший буйствовал в своем кабинете. К нему как раз зашла секретарша с чаем, и он с матершинной выгнал её

— Теперь... это птица будет заперта в золотой клетке... — Говорухин тоскливо усмехнулся.

— ЗАЧЕМ!? ЗАЧЕМ!? — кричал Долгоруков-старший, и может быть, кого-то это и приводило в ужас, но только не Говорухина. Он соврал, ответил, что «не знает», хотя глубоко в душе он всё прекрасно понимал...

— У ТЕБЯ БЕЗДУШНАЯ ТЫ СКОТИНА ЕСТЬ ГХЕБЕНОК!? — сокрушался мэр,

— Должен был быть... но он и его мать... скончались... — Говорухину было тяжело говорить, и он выдавливал из себя слова, как выдавливают прыщи или гной.

Долгоруков старший сильно призадумался. Вена на его холодном и толстом лбу выступила и снова спряталась, а Говорухин добавил: «Твой сынок... убил невинную девочку... ну а хер ли... кровь-то чужая... плод бессонных ночей... постоянной заботы... труда... и жертвенности... и грядущих счастливых дней... мечтаний о глазах... переполненных слезами гордости... и радости... след прожитой жизни... а он это... перечеркнул... и ты еще спрашиваешь... видимо когда много убиваешь... уже не замечаешь...

Долгоруков старший на мгновение насупился, будто бы искал что ответить. Наконец, он переспросил: «ПОДМЕТЕЛКИН? ГХЕБГХОВ!? КИГХИЛЕНКО!?!»

— Сионистские... мудрецы во главе... с Дональдом... Даком, — ответил Говорухин, он устало вздохнул, а потом кинул ремарку, — видел бы ты своё лицо... Хах

— Ничего... НИЧЕГО... Мы всё испгхавим! — Долгоруков старший кипел от злости.

— И что... вы будете делать? — Говорухин задал вопрос, чтобы не потерять сознание.

— О, тебе не нужно об этом знать... — мэр отрезал резко, будто бы в своем возбужденном состоянии и размягченном сердце он успел сообразить план, и в любом другом случае мог бы действительно испугать своего собеседника, — Заканчивайте с ним. — приказал он своим помощникам, и от его растерянного тона не осталось и следа.

Звонок выключили. Смартфон убрали в карман. Громила, что держал его, приобнял его за плечи, а потом прошептал:

— Что меня всегда привлекало в смерти, так это то, что она очень интимна. — шептал он, затем поцеловал Говорухина в лоб, и добавил, — не волнуйся, будь сильным. Мне нравится... растягивать процесс, — Алексей сник, и громила продолжил, — каждый умирает одиноким. Чем-то это напоминает рождение. По крайней мере, когда я убиваю, то всегда стараюсь обставлять это, как рождение. Процесс, в котором участвуют всегда двое.

— В «Голландском штурвале»...тоже двое участвуют..., - Алексей прокашлялся, надо было оставить за собой хотя бы достоинство, — вон она...ролевая модель твою мать...

— Хмм... — громила переглянулся со своим коллегой, — никогда не думал об этом прежде. Спасибо за пищу для размышлений.

Алексей что-то пробубнил в ответ и краем глаза заметил сверкнувший в темноте огромный нож.

— Ты в своего напарника... тоже любил втыкать длинные предметы... — устало пробурчал Говорухин и усмехнулся.

— Тссс, — пальцем показал громила, и снова перешел на шепот, его коллега стоял в сторонке, и оглядывал дворик, — не бойся... Громила сел на колени и посмотрел Алексею в глаза. Вместе с тем, Алексей почувствовал острую боль в боку, усиливавшуюся с тяжестью, коя бывает при передвижение тяжелого груза. Алексей посмотрел на свое туловище. Нож вошел по рукоять. Во рту он почувствовал соленый привкус крови.

— Дай... я тебе...на ушко. шепну..., - откашлял он,

— Что же? — в экстазе произнес громила,

— А ты...накло...нись

Громила наклонился одним ухом ко рту Алексея, и в следующий момент почувствовал, как в него вцепились зубами. Алексей сжал челюсть и повалился на землю. Сквозь забытие он, будто контуженный, приглушенно слышал ругательства и крики. Потом он ощутил, как его челюсти пытаются разомкнуть, а двое громил пытаются решить что с ним делать:

«ОН МНЕ МОЧКУ ОТКУСИЛ!

ДА НАХЕРА ТЫ ЭТИ ШАШНИ ВООБЩЕ УСТРОИЛ!?!»

Откуда-то издали послышался хлопок металлической двери, и следующим, что почувствовал Говорухин было то, как изымается нож из его тела. Жжение накалило всё изнутри. Скоро должно было наступить обширное кровотечение, и тогда конец, накатывающий шерстяным одеялом.

— Бог ты мой, то ж они с вами сделали? — первое, что он услышал из другого мира, — «А я-то боялась, что они меня хватъ и того! — а Апостол Пётр изменился и теперь

напоминал консержку из подъезда, в котором Говорухин проживал.

— Что... того? — выдавил из себя он,

— Хватить и насильничать! Они-то парни здоровые, молодые, а я-то что?! Старуха! Ох, Лёшенька, а вы слышали новость, ну вы, наверное, слышали, вы ж в газете работаете, — речь её быстрая, и цельная, будто бы она заготовливала её еще на своих подругах, каждый раз к рассказу прибавляя всё новые и новые подробности, — у нас тут в районе же младенец пропал. Так тут собачки бегали, наученные, натасканнные, а они хватить и паре квАрталов отсюдава и косточки детские наши. Шум-вой такой поднялся! Мамка только вышла с детишкой погулять, а тут же вспомнила, что телефон забыла, а ну как у молодежи-то без телефонов, ну она коляску-то и оставила во дворе, жили-то они на втором этаже. Ну так вот, нашла она его, закрыла дверь, вышла на улицу, а детинку уже бомжи утащили. Говорят, что его пожарили на костре, а потом и съели... Ужас, в какие времена страшные живем! — со вздохом подытожила она, произнеся до этого весь текст без запинки, и накислила грустную мину.

— Изви..., - Говорухин прокашлялся, — скорую бы... мне... Когда они приедут...то пуст вытащат из...рта...мочку уха...

— Ах, да, конечно, Лёшенька, никуда не убегайте, щас вызову, лежите спокойно, дайте знать, если вам что-то понадобится, ох какие страшные времена наступили, да мы и не заметили, так людей на погожих улицах избивать, это ж что-то, да и еще в центре когда-то прославленного Города, ох, что творится-то? Что с нами всеми нами станется?! — она произносила всё быстро, и её голос удалялся из пространства, и с ним она поспешила к телефону. Говорухин смотрел на ночное небо, насупленное тучами. Внезапно для самого себя он рассмеялся, и вместе с тем раскашлялся. После чего слезы побежали по его щекам. Слезы с дождем, он разрыдался. Затем обессиленно повторял про себя: «Он всего...лишь симптом...как же...до меня не дошло!?!». Где-то вдалеке шумела карета скорой помощи, а он в это время провалился во тьму....

И вот он провалился в темноту. Очнулся он от теплого весеннего бриза. Кажется, это была набережная, залитая розовым закатным солнцем. Вокруг не было никого, и даже чайки не раздирали воздух своими криками. Он скрутился комочком на лавочке, и его голова лежала у нее на коленях, как это всегда бывало, когда он заканчивал работать. Она поглаживала её и игралась с прядями его волос, как будто ничего не было:

— Ты всё? — её голос звучал с какой-то странной отстраненной заботой.

— Да. Закончил, — он ответил и закрыл глаза.

— И что теперь? — спросила она, как спрашивают из вежливости.

— Не знаю... я просто жутко устал

— Зачем ты так? Зачем всё это? Мне было больно видеть тебя всего израненным, — её голос уже перестал быть таким далеким.

— Странно, что моё подсознание задает такой вопрос. Эээто, — тут его голос начал дрожать, — ведь частичка тебя, что осталась во мне, или я — та частичка, что осталась в тебе, или же просто мой предсмертный трип? Это действительно ты, малыш?

— Может быть это твоя фантомная боль? Я ли, или это проекция меня, та, что осталась у тебя в памяти — тебе ли не все равно, если касания моих рук, текстура моей кожи и знакомый запах тмина, вишни и солёного пота достаточно реальны для тебя?

— Пожалуй что всё равно, — открывать глаза он не стал.

— Может быть вкус моих губ убедит тебя в обратном, — она поцеловала его, и он испугался, и немного одернулся, но все же покорно вернулся в её объятия.

— Тебе стоит больше спать, раз ты сильно устаешь, — она продолжила, как будто этого и не было. Чуждость исчезла.

— Было много неотложных дел. Кофе — мой друг, так что..., -он начал оправдываться.

— Музыка — мой драг, И всё что вокруг..., - она запела своим высоким и нежным голосом, как пела тогда, когда принимала душ, или ходила по делам, или занималась домом.

— Всё! Это точно ты! Хорош уже, я ненавижу эту группу! Она действует мне на «Нервы», — он улыбнулся.

— ЖИТЬ В КАЙФ!

— Корж! Это уже запрещенный прием, малыш! — он рассмеялся, а затем быстро сник. Как будто внезапно вспомнил о чем-то болезненном, что было куда больнее удара ножа

— Ты так и будешь лежать уткнувшись в горизонт? — она по-прежнему гладила его пряди.

— Я боюсь... — голос Алексея задрожал еще сильнее

— Чего? Смерти? Того, что я тебя укушу? Коржа? — она стала игривой

— Что если я повернусь и открою глаза, то... ты исчезнешь... как это всегда бывало, когда я искал видел тебя на лицах. Пуф... и всё. И я снова останусь один, — он закусил губу.

— Дурачок, куда я не испарюсь, я же не святой дух в самом деле.

— Кто тебя знает? — он ухмыльнулся.

— Мы уже разобрались же с этим вопросом, разве нет? — она тыкнула его в боку, — Тебе стоит уже идти дальше. И я не про рассуждения о моей природе.

— Да, обязательно запишусь на групповую терапия для вдовцов. Макс Пэйн, Дракс-Разрушитель, Виталий Калоев и я — вот так компания... — он замолчал, и его глаза начали

наполняться слезами, а голос стал похож на вой волчицы, тыкающейся мордой в трупы своих детенышей, — Я не могу... я вас...подвел... КАК. ЖЕ. Я. ВАС. ПОДВЕЛ... Я-я-я..., - о стал заикаться, а его голос задрожал еще сильнее, — бы мог дать взятку врачу побольше, я б-бы мог от-т-тдать вас в клинику ллучше... яббы могг ПРИХОХОДИТЬ РРАНЬШЕ (РРРАББОТЫ, и унас было быбольшевремени... — от подступившего к горлу кома, он не мог говорить, и уже просто хрипел, все тело сотрясалось от припадка, и он просто плакал навзрыв, как никогда ранее, и как никогда больше. Наконец, он немного оправился, — я-яя ббы ммог просто сказать нет и все ббыло-ббы ххоррошшоо...Всё ведь было ббы хорошо, да?! Яяя больше так не могу! Ты была всем для меня... А яяя...ПРОСТИ МЕНЯ

— Тише, тише, любовь моя, — она поцеловала его в лоб и ему стало легче, — ты же знаешь, что ты сгоришь в аду за такие остроты? — она улыбнулась, — да и вдовцом ты стать не успел. Мы же хотели после появления малыша расписаться. Ну и прости за бестактность...

— Тебе можно

— Но это достаточно пошлая история искупления и глушения чувства вины, ты не находишь? — она проронила это легко, с той легкостью, с которой роняют неприятные новости.

— Вот обижусь, и уйду, — ответил он, и они рассмеялись, — и вообще на кресте висеть куда более стремно.

— Ну да, ну да, англетер — другое дело.

Он открыл глаза и повернулся к ней. Она была также прекрасна, как и в день их знакомства, когда он перепутал комнаты в общежитии, и они разговорились о кино, и он чувствовал себя дураком, и она это понимала, но относилась с той добротой и радушием, коими никто его не одаривал. Он посмотрел на неё, а затем произнес:

— Знаешь, я бы никогда не сделал бы этого, если бы вы с малышом были бы здесь...Я бы просто не смог.

— Знаю;

— Эта бедная девочка, я обомлел от того, насколько сильно она на тебя похожа, — он снова начал оправдываться.

— Знаю;

Наступило неловкое молчание, и вот уже она спросила:

— Как там моя семья?

— Не знаю, не виделся с ними с момента похорон, я...просто не мог смотреть им в глаза и...

— А как твоя?

— Ты уже знаешь ответ на этот вопрос, да?

Она молча кивнула, а затем спросила, но без осуждения:

— Зачем ты его убил?

— Потому что, — ответ застрял щемящей занозой в его голове, которую он не мог выковырнуть, — я испугался, и до меня кое-что дошло...

— Ну, теперь он стал мучеником, — она саркастично улыбнулась, а он вспомнил, как они, еще в юности, шутили про инвалидов, бездомных и других обездоленных, которых они встречали на улице, и тогда думали, что впереди их ждет долгая счастливая жизнь.

— Старый мудак всегда знал как набать систему.

— Не выражайся! У нас и так осталось мало времени! — она перестала быть

безмятежной

— А конкретней? — в голове сверкнул страх.

— Немного, так сойдет? — она улыбнулась, но вместе с тем с этой улыбкой было что-то не так, — тебе уже нужно идти...

— Я не хочу никуда уходить... я хочу остаться с тобой.

— Неужели ты так ничего и не понял?

— Я выгляжу так, будто бы ничего не понял?

— Тише, малыш, это просто плохой сон.

— Я люблю тебя.

— Я то...

Сжавшись, он очнулся. Стал беспорядочно вдыхать воздух, и в панике понял, что он был на аппарате искусственного дыхания. Заиграли мириады больничных огоньков от приборов с низкочастотным писком. Прибежавшие медсестры успокоили его уколom и вытащили дыхательную трубку. Он снова провалился в сон, и сон тот был не то, чтобы радужным. Он отчетливо ощущал дыхание знакомого двора родной панельки — мокрый запах растительности, мешающей первым этажам, пыли и бензиновых выхлопов. Он стал перешагивать знакомые ему лужи и ямки, держаться знакомой асфальтовой дорожки, не до конца разбитой. Тут когда-то играли в прятки, в казаков-разбойников, в стрелялки с игрушечными пулками — немало он тогда посадил себе шишек, а сколько раз раздирал колени — уж не перечислить. Мать сначала жалела, протирала раны ваткой со спиртом, а потом только ругала, да и то, как-то несерьезно. Обычное аналоговое детство.

В своем сне он шел до подъезда, и тут из-за угла появилась орава злых подростков. На их кулаках были намотаны велосипедные цепи, кто-то в руках сжимал провода от игровых приставок с вываливающимися контактами. В их жестком прямом и быстром шаге угадывалась их цель. Они шли за ним, но не только за ним, а еще и за другими. И никто не мог их остановить. Очнулся от на том моменте, когда его топили в луже и ломали колени бейсбольной битой. Он ударил кистью по кнопке вызова медсестры и, когда та пришла, попросил её принести блокнот и ручку. Спустя пару минут, он ломаным почерком с огромным трудом вывел на бумаге фразу: «Уже поздно».

С утра его осмотрел врач. Осанистый, с сильными руками хирурга или травматолога, аккуратно подстриженный, лет сорока пяти. Говорухин в прошлом уже с ним встречался, и поэтому немного застыдился своего положения:

— Как вижу, моим советом вы решили не пользоваться.

— Нет же, почему. Проблемы просто ко мне притягиваются.

— Сначала вы режете себе вены в туалетной кабинке на вашей работе, потом вас находят в таком состоянии. Уж извините, что у меня закралось такое подозрение.

— Вены... как будто было в прошлой жизни — это так, отчаянный шаг по привлечению внимания. С тем же успехом я бы мог заняться онанизмом на улице или устроить скул-шутинг. Что у меня, доктор?

— Серьезная потеря крови, сотрясение средней тяжести, перелом правой скулы, несколько острых переломов ребер, которые могли бы закончиться для вас коллапсом легкого и смертью, режущее ранение левой ладони, слава Богу, без инфекции. Мне продолжать?

— То-то я думаю, чего рука чешется.

— Опять вы со своим сарказмом, Говорухин.

— С иронией. Что еще?

— Предлагаю вам взглянуть на себя в зеркало.

Говорухин с трудом поднялся с постели. «Это нормально — сказал доктор, — учитывая, сколько времени вы пролежали без движения». Он остановился, доковыляв до зеркала, с трудом поднял правую руку и оперся на стену, и затем посмотрел на себя в отражении. Лицо было осунувшимся, хотя за повязками сложно было заметить. Одна его часть была замотана, там где располагалась сломана скула, на другой же красовался огромный синий фингал. И глаза друг от друга отличались. Если один был чистым, то другой с лопнувшим сосудом — весь красный.

— Может потребоваться операция, — произнес доктор, — надо, конечно, за ним еще понаблюдать и получить консультацию от офтальмолога... Это, однако, стоит денег и не входит в пакет страхования...

— Один глаз видит прошлое, другой настоящее, — задумчиво сказал Говорухин, — доктор, как вы думаете, пойдет ли мне, если я выкрашусь в блондина? Я бы улыбнулся, если бы не было так больно.

— Ну мозгов это точно вам не прибавит, — заметил доктор, — операция потребуется, однако это одна из ваших наименьших проблем. С вами хотят побеседовать люди из полиции о том, что происходило две недели назад, но долго от них отбиваться я не смогу, учитывая то, что вы пошли на поправку.

— Две недели? — Говорухин удивился и его дыхание участилось, — где мой телефон?!

— Успокойтесь, голубчик, — вкрадчиво ответил доктор, — он на складе в коробке с остальными вашими вещами. Сейчас распорядюсь, чтобы вам их принесли. Правда, их там вроде как два оказалось — один разбит, прошиблен насквозь. Что за чертовщина с вами произошла? — теперь доктор выражал искреннее любопытство.

— Вы не читаете новостей? Или интернет-газет? — недоумевающе спросил Говорухин, у него начала кружиться голова.

— Работа тяжелая, со всей этой суматохой давно не читал. Со всей этой ситуацией я ночевал целую неделю в больнице. Жуткий оврал был.

— Принесите тогда еще зарядку, — сказал Говорухин. Врач только саркастично на него посмотрел, — пожалуйста, — его голос ослабился.

Коробку с вещами принесли спустя несколько минут. Они были расфасованы по пластиковым пакетам с застежками. Чувствовалось нереальным. Говорухин присел на стул — сразу заныли ребра, еще и спина, и вывалил содержимое на кровать. Было негусто. Только рваная и испачканная в крови одежда, да эти телефоны. Ноутбук куда-то исчез, хотя он мог просто оставить его в редакции. Вытащив из пакета телефон, он подключил его к зарядке. Спустя некоторое время экран загорелся изображением фирмы производителя, потом эмблемой операционной системы. В палате был включен телевизор, который смотрели его соседи-пациенты. Показывали новости. — Ну хоть в этот раз не «лебединое озеро», — кто-то из них заметил.

— Замечательный же балет, надо только чаще показывать, — кто-то ответил, а затем залился смехом

— Эх, жил бы ты в те времена, по-другому бы запел.

Алексей услышал фамилию Долгорукова по новостям и сразу обернулся. Потом прикрикнул, чтоб на секунду замолчали. В сюжете говорилось о том, что Город, хоть и понес, и финансовые, и архитектурные, и логистические потери, но, благодаря работе

команды мэра и самого Долгорукова, эти потери удалось минимизировать, и быстро вернуть Город к жизни. «Таких людей, как Долгоруков, я бы хотел видеть в будущем в своем правительстве», — заявил лидер. Говорухин вздохнул, а тем временем дисплей телефона зажегся, и можно было приступать к сёрфу по сети. Алексей открыл сайт ЖИЛАЙФ и первым, что увидел был огромный заголовок: «МЕСТО ВСТРЕЧИ С КОНЦОМ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ. ПАМЯТИ ГОВОРУХИНА». Видимо за те две недели, что Алексей успел пролежать в отключке, его однофамильцу тоже нездоровилось. В списке авторов на сайте он себя не нашел, статью тоже. Решил пройти по ссылке, которую он заранее себе ретвитнул. Удивительно, но она оказалась совершенно рабочей, он тапнул по ней и увидел следующее: надпись «Опровержение», а под ней эти несколько символов.

В сердцах он бросил телефон, а затем закрыл лицо ладонями. Отдышавшись, он обратился к своим соседям:

— Ни у кого не найдется сигареты?

Следующие дни были заняты допросами полицией, да разбирательством со страховкой. Хранители порядка приходили несколько раз. Говорухин пытался выработать стратегию — как выйти из этой ситуации, как выскользнуть? Улики были не на его стороне. В машине, в которую заботливо положили обезглавленное тело, было море его крови. Да и обстоятельства нападения на него казались слишком подозрительными для простого гоп-стопа. Пришлось рассказывать как есть — о статье, о встречах с Долгоруковыми и о том, как он получил следственные материалы. Полицейские слушали внимательно, и даже делали вид, что записывают, а под конец разговора вообще проронили фразу: «Ну что ж вам это всё надо и надо. Вот что бывает когда надо. Ну почему вот вас не устраивает как есть?»

— Я плохо ценю, что имею, — ответил Говорухин, а затем спросил, — что с той мочкой уха? Вы нашли подозреваемого?

— Господин Говорухин, вы заинтересованная сторона, и вам я разглашать конфиденциальную информацию права не имею. Да я никому права разглашать информацию не имею, кроме начальства, — полицейский сделал паузу, его коллега уже жестами торопил его к выходу, — в бесправном государстве живем, эго-то, — он усмехнулся, — заверю только, что по базам у нас ничего не нашлось. Адъё. Поправляйтесь, и вот распишитесь тут, что мол претензий не имеете.

Говорухин расписался, рука заныла, и он почувствовал недомогание.

— А как же статья? А как же девушка?! А коррупция в вашем гребаном ведомстве! Я, конечно, не дольщик, и ваучеров никогда не хранил, чтобы верить в сказки, но должно же быть что-то! Да даже какое-нибудь изображение деятельности!?

— Ну, Господин Говорухин, это вам надо в пресс-службу нашего ведомства. Или в администрацию, мы люди подневольные. Что нам сказали, то и делаем. Телефон, надеюсь, найдете. — полицейские вышли из палаты.

— СТОЙТЕ! — закричал Алексей, — а как же ДОЛГОРУКОВ МЛАДШИЙ!?

Говорухин вздохнул и выругался. Затем стал строить догадки. Раз он еще жив, и даже в больнице, то А) его передумали убивать, Б) больница — слишком громкое место для мокрухи, Ц) кто-то или что-то за него вступились. Либо привилегированный статус, хотя навряд ли, либо кто-то живой из плоти и крови. Вот только кто? Д) смерть придет, и даже они не знают, когда.

От мрачного сосредоточения мыслей, будто стервятников у трупа, захотелось курить. Он спросил своих соседей по палате сигарету, и те ему не отказали, хотя уже посматривали на него с недовольством.

Со страховкой оказалось всё проще. Надо было заполнить несколько бумаг, ну а лечение было за счет редакции. Подрулин за него вступился. И не таким он уж плохим и трусливым шефом оказался. По закону сохранения энергии, или кармы, следующим начальником Говорухина должен стать какой-нибудь упертый садист-женоневастник с комплексом неполноценности и плохой потенцией. Холоп, вдруг ставший «маленьким царьком». Ну... чтоб такого увидеть, надо всего лишь посмотреть в зеркало. Алексей вдруг подумал о том, что не хочет ни от кого зависеть. Вполне нормальное желание. Может быть, немного инфантильное, но это с какой стороны посмотреть. Взросление наступает, когда ты перестаешь зависеть от родителей и начинаешь зависеть от начальства или общественного

уклада, или когда кто-то уже начинает зависеть от тебя. Строительство новой жизни, чего уж там. «Да уж, сделать только ебало посморщенной, детей прожорливей, начальство недовольнее, жену поскандальнее, а общественное сознание еще тупее — вот уж взросление», — подумал он и закурил, присев на лавку. Лавка была промозглая и мокрая, а он на неё еще навалился. Накатывавшая усталость брала свое. Ночью ему снились кошмары, да и боль никто не отменяет. Поспал, может быть часа полтора, а в остальном пялился в потолок и смотрел на то, как огоньки, проклевывавшегося сквозь занавески солнца играли вместе с тенями на потолке. Лысые деревья в прибольничном сквере напоминали о больных костях и отрите. Он докурил и стал возвращаться в палату.

На телефоне его ждало странное сообщение, беспокоящееся о его самочувствие, с незнакомого номера. Он ответил, что идет на поправку. Симка была совершенно новая. Номер был только у Подрулина и ментов. Сестре он так и не решился написать. Не хватало смелости. Зато хватило смелости спросить у незнакомца кто он такой.

Телефон дружелюбно прочирикал, и в следующий момент Говорухин открыл сообщение и прочитал про себя:

— Ну батюшки право забыли меня,

Рука что ли перестала болеть?»

Говорухин прилег на свою койку и быстро ответил:

— Другие части тела болели сильнее

Головорезы твоего отца хреново делают свою работу.

— Они сделали как раз достаточно, чтобы оставить тебя морально искалеченным на всю жизнь

— Боль уходит, раны заживают, совесть остается. Что тебе нужно?

— Просто хотел спросить о статье, как там она? Сколько просмотров собрала? Сколько там у вас уникальных узеров?

— Ха-ха, стоило бы написать, что тебя выебал Киркоров, тогда бы было больше просмотров.

— Nah.. из старых знаменитостей мне больше Минаев заходил.

— Сразу представил тебя в женском платье, мальчик...

— Так меня называла твоя мамаша.

— О, вот уже по-взрослому, может даже следующим сообщением ты перейдешь к делу.

— Взрослый, деловой человек...ой, а что у нас там с работой? Неужто уволили!? Ай-ай-ай

— В следующий раз шли войсом или добавь смайлы, чтобы твой наигранный тон вызывал больше омерзения.

— Ну так что, Алексей, что же ты будешь со мной делать, дорогой?!

— Я тебя достану...

— Звучит забавно, поскольку вот тут у меня в комнате, — он скинул фото, — лежит дело о смерти некоего Старобрядова.

Старик, много лет, умер, мэйби и не сам.

У них же не спросишь

они...лишь...неловко...молчат...

— Ах, дед.

Жаль.

Кто знает, старик скорее всего откинулся сам, люди имеют свойство умирать,

но ты лучше меня знаешь об этом.

— Знаешь

а ведь мы с тобой достаточно похожи

Я вот думал-думал, искал, тут времени много..

— С той лишь разницей, что я старше, симпатичней и умней, что с его телом? Его ведь надо похоронить.

— Всё улажено

Похоронен он был с почестями

как и следовало герою его калибра...

— Стоп

Как герой?

— Ну да.

Памятник

дорожка

сюжет в новостях

Мне ли это рассказывать?

И тебе не стоит меня перебивать

Говорухин напечатал: «У тебя всё?», а затем положил телефон на тумбочку и просто уставился на стену. Спустя несколько секунд, тумба содрогнулась от вибрации, пришёл ответ:

— Я не успел написать где эта папочка может оказаться если...

— Если что...

— Если ты не сходишь выпить со мной кофе...

— Хм... это новый эфемизм?

— Нет

это приглашение на кофе.

— Зачем?

— Просто

Поговорить

очень сложно найти

понимающего человека

— Ха, уже приходится отбиваться от поклонников.

Почему бы и нет.

Когда выпишусь только

Говорухин, поднялся с кровати и кинул телефон уже в тумбочку. Та снова содрогнулась от вибрации, пока тот ворочался на кровати, пытаясь найти удобную для сна позу — где тело бы болело меньше.

Проснулся он как раз перед рассветом. Захотелось пить. С трудом встав, стараясь как можно тише шлепать тапками, он подошел к графину, что был на столе посреди комнаты, выпил оттуда и стал возвращаться к себе на койку. Уже у окна, он увидел багровое рассветное зарево, вставшее над спящим городом. Освещенные улицы упирались в горизонт, небоскребы зияли на периферии в дыму котельных и закрывавшихся заводов. Облака, принимавшие форму костных наростов, плыли куда-то вдаль, и всему этому не виднелось конца. Он встал у окна и просто созерцал Город, пока свет с включившегося на улице фонаря не упал ему на лицо. Видимо, кто-то ходил внизу, вот он и озарился.

С утра он позвонил сестре, чтобы сообщить новости, сказать, что он жив.
Больше книг на сайте - Knigoed.net